

The background of the cover is a deep black space filled with numerous small white stars. A vibrant, ethereal nebula or energy stream flows from the top center, transitioning from bright yellow and orange at its base to deep purple and blue at its tip. Below this celestial phenomenon, there is a large, intricate, light blue abstract design that resembles a stylized, symmetrical wing or a complex geometric pattern. The overall aesthetic is one of cosmic mystery and dynamic energy.

Евгения Вараксина

Теория хаоса

ВЕЧНЫЕ

18+

Евгения Вараксина

Теория Хаоса. Вечные

<https://litres.ru/74419579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бессмертие оказалось совсем не таким, как обещали.

За тысячи лет можно пережить войны, гибель миров и собственные ошибки. Гораздо сложнее сохранить тех, кто стал семьёй.

Суккуба-рассказчица, демон-психолог, древний дракон, эльф-троль, волшебница с идеальными манерами и другие Вечные спорят, влюбляются, совершают глупости, спасают миры и вместе разгребают последствия.

Но за шутками, приключениями и бесконечными перепалками скрывается главный вопрос: как сохранить живую душу и способность любить, если впереди вечность?

«Теория хаоса» — первая книга цикла "Вечные". Это мозаичный роман в рассказах, хроника знакомства Вечных: от первого прикосновения к чужому миру до момента, когда одиночки становятся семьёй.

Демоны, драконы, эльфы и русалки — каждый носит в себе тайну, шрам или проклятие.

У Вечности достаточно времени, чтобы совершить любую ошибку. Но даже бессмертным приходится выбирать — кому доверять, кого любить и ради чего оставаться собой.

Содержание

ЧАСТЬ 1. СТАЯ	5
Пролог	5
Искорка	12
Лекция о Вечных	16
Мифология от ЕвВы	21
Обучение суккубы	24
Марафон на истощение	51
Испытание Сердца Скалариса	57
Дракон-хранитель или как я рисовала Зориэля	77
Вкус урагана	84
Привязанности Вечных. Пепел	107
Привязанности Вечных. Дар сильфов	113
Привязанности Вечных. Обма	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Евгения Вараксина

Теория Хаоса. Вечные

ЧАСТЬ 1. СТАЯ

«Без любви Вечность не имеет смысла»
<i>— Сущность Скалариса</i>

Пролог

— Ну глупость же несусветная!

— Да с чего вдруг?

— Да с того!

— Обалдеть обоснование!

— Я могу и поподробнее...

— Нет! — перебила я. — Можешь просто помолчать, хотя бы полчаса? Достала уже.

Тишина. Неужели?

— Подумай ещё раз, ну хрень же!

— Не прошло и пяти минут...

Вздохнув, я забралась в кресло с ногами и отдалась потоку мыслей.

Этот голос был со мной всегда. Хотелось мне того или

нет. Тихий, идущий не извне, а из самой глубины сознания — и при этом всегда параллельно моим собственным мыслям, сбивая их с толку то циничным комментарием о мотивах прохожего, то внезапным вопросом о том, что бы я делала, если бы время вдруг замерло. С детства он рассказывал мне сказки. Но не те, что читают в книжках, а другие — странные, будто из другого измерения, от которых по коже бегут мурашки, но оторваться невозможно. Именно он ненавязчиво учил меня видеть красоту: изгиб шеи актрисы, игру мышц на спине атлета, скрытую чувственность в самом простом жесте.

И неизвестно, что стало последней каплей — возможно, переезд в эту странную квартиру. А странной она стала всего лишь потому, что не совсем соответствовала моим ожиданиям от жилья, за аренду которого я должна была отдавать ползарплаты. Старый диван — ровесник моей бабушки, сервант с сервизами (вот он был точно её старше), эти дурацкие пёстрые ковры на стене и на полу комнат. И при всём при этом я с удивлением ловила себя на мысли, что давно не ощущала такого уюта и необъяснимого комфорта. Тихое удовольствие будто просачивалось сквозь меня. И этот голос в моей голове — он был согласен и даже болтать стал громче.

Вот как сейчас: я думала мысль — важную, глобальную, как минимум о спасении всего человечества, а она издевалась.

Раздвоение личности, или я слышу кого-то ещё? Кто

ты?— подумала я, даже не до конца представив последствия подобной выходки.

Я не успела испугаться. Просто в следующее же мгновение воздух рядом со мной сгустился и задрожал, будто от жары. И появилась Она. В лёгком недоумении я молча смотрела в её глаза — тёмные, словно ночное небо, в котором то вспыхивали, то гасли багровые искры. В них читалась насмешка и что-то ещё, недоступное мне.

Вызывайте санитаров,— мелькнуло в сознании, но её вытеснила другая мысль — или даже не мысль, а скорее чувство, с привкусом тихой, давней тоски. Где-то глубоко внутри я знала и всегда ждала этого момента.

Я застыла, нет, не сражённая, скорее восхищённая. Позже, пытаясь вспомнить, я не могла найти в её внешности ничего сверхъестественного: классический овал лица, правильные черты. Но в тот миг её красота казалась неестественной. Возможно, дело было в абсолютной, нечеловеческой симметрии, которой не бывает в живой природе. Или в том, как свет обтекал её кожу, не создавая бликов, будто она была сделана из иного вещества. Она была слишком идеальна, чтобы быть настоящей. Как математическая формула, воплощённая в плоти — безупречная и оттого пугающая.

Я даже не сразу заметила крылья у неё за спиной. Я с трудом фокусировалась на них: то это были бархатные крылья летучей мыши, то они расплывались, словно мираж, и сквозь них проступали очертания комнаты. Я зажмурилась и снова

открыла глаза. Ничего не изменилось, она всё так же стояла передо мной, с лёгкой насмешкой осматриваясь вокруг.

— Ты... демон, — произнесла я. Не вопрос, а констатация. Всё ещё подозревая, то это лишь галлюцинация, я попыталась вспомнить, не было ли у меня повышенной температуры с утра.

Существо кивнуло. И тогда я услышала её голос по-настоящему — не внутри, а снаружи. Он обволакивал, как тёплый бархат, и в нём слышалось что-то очень знакомое, но начисто забытое — как мелодия из раннего детства. Но это был он! Тот самый голос, который вечно со мною спорил и ставил под сомнения все самые благородные порывы.

Однако.

— Если быть точнее, то я — суккуба.

— Эм-м, а я вроде не мужского пола, — рассматривая её изящные рожки, удивилась я.

Она театрально вздохнула, закатив глаза.

— И я таки в курсе!

И, немного помолчав, вдруг добавила с подозрительной нежностью в голосе:

— Я пришла, потому что ты наконец-то меня позвала.

Прежде чем я успела что-то сказать, её рука скользнула по воздуху, и пространство между нами заполнилось мерцающими частичками. Они устремились к моей ладони, ещё не касаясь её, но уже рисуя в воздухе таинственный узор. Я инстинктивно повернула ладонь, и серебристая пыльца сло-

жила в знак бесконечности.

— О, — выдохнула я, глядя на серебристую восьмёрку на своей ладони. — А я ожидала чего-то посложнее.

Такой бури вопросов я ещё никогда не ощущала.

— Самое сложное — это как раз и есть простое. Вы, люди, всегда это забываете. Но ты... ты вспомнишь.

Она провела пальцем над знаком, и тот засветился, но тут же погас.

— Теперь я смогу показать тебе мир таким, каким вижу его я. И рассказать о Вечных. И заодно обосновать, почему то, о чём ты только что размышляла, — глупость несусветная!

Теперь демонстративно закатывать глаза пришла моя очередь.

Искорка

Я спросила, как её зовут, а она предложила мне самой выбрать, потому что на демоническом её имя я всё равно не запомню, да и не произнесу. Я подумала и решила называть суккубу ЕвВой. Она рассмеялась.

— Ты назвала меня в честь себя? — уточнила она, и мне стало вдруг немножко жарко. Она знала. Конечно, знала.

— Это... вышло случайно, — смущённо пробормотала я.

— Случайностей не бывает, искорка. Особенно когда даёшь имя демону. — Она склонила голову набок, изучая мою реакцию. — Ева... Начинательница. Ва... а это, выходит, кусочек тебя. Выходит, ты назвала меня своим собственным проводником. Хитро, искорка. Очень хитро.

Я засыпала её вопросами, пытаюсь удержать в голове весь этот хаос. А ЕвВа, похоже, от души забавлялась. Она сама подкидывала мне загадки в духе: «А ты знала, что эльфы просто очень долго живут, но не бессмертны?» или «Вечные маскируются только в тех мирах, где жители не умеют пользоваться магией, а в остальных находятся в своих истинных обликах».

И только я успевала открыть рот, чтобы узнать подробности, как она меняла тему, ограничившись односложным ответом. А потом внезапно спросила, что есть вкусенького и окончательно выбила меня из колеи.

— А что ты любишь?

— Ты знаешь, — хитро подмигнула суккуба.

— Идеальный момент, чтобы воззвать к моему ощущению тебя. То же самое что и я?

— Умница!

Я нахмурилась — ненавижу этот снисходительный тон. И, совсем не удивительно, ЕвВа знала, как меня выбесить. Её глаза искрились весельем. *Древняя маленькая пакостница*, — мысленно фыркнула я, но, усмехнувшись, только вздохнула и отправилась на кухню.

Разумеется, я не удержалась и прикоснулась к её крыльям. Это было странно — ЕвВа сама их делала плотными или полностью эфемерными. Всё было вообще не так, как я представляла.

— Почему я?

— Хм... — ЕвВа прищурилась. — Потому что ты увидела. Большинство смотрят, но не видят. А ты — увидела. Мне стало... интересно выяснить, что ещё ты способна разглядеть? Правда, пришлось немного подождать, ведь на тот момент ты была совсем мелкой и ещё лежала в коляске...

— Что?! Но... — начала было я.

— Да-да, слушай! — она прикрыла мне рот ладонью. — Однажды, в каком-то парке я просто слонялась без дела, на меня обращали внимания не больше, чем на фонарный столб. Я же умею прикидываться серой мышью. Но ты... ты поймала мой взгляд и смотрела непосредственно на МЕНЯ.

В твоих глазах отразился мой истинный облик...

— А потом... — её голос дрогнул, и она на секунду отвела взгляд, — потом я увидела не тебя. Я увидела Вечность, что смотрела на меня твоими глазами... Таких мурашек, как в тот момент, я ещё никогда не ощущала.

Я, не совсем понимая, что она имеет в виду, выжидающе молчала.

— В такой маленькой человеческой оболочке... — задумчиво произнесла она, глядя куда-то перед собой, словно это были просто мысли вслух.

— Ты... серьёзно?

— Всегда, — в её улыбке промелькнула тысячелетняя усталость. — Просто потом вы вырастаете. И ваша реальность вытесняет таких, как я, заменяя собственными демонами. Вы... забываете. А я остаюсь.

Она снова о чем-то задумалась и вдруг закрыла лицо ладонями:

— Боюсь тебе признаться, но это я виновата, что ты боишься темноты! — ЕвВа раздвинула пальцы, лукаво подглядывая сквозь щёлку. — Ты же меня не прибьёшь за это?..

Я застыла с открытым ртом.

— В смысле «виновата»?!

— Ну... — она сделала «невинные» глазки. — Я забывала, что ты малявка, и нашептывала свои истории. А у тебя воображение... — ЕвВа демонстративно сглотнула, — слишком живое для ребёнка.

— А сны... эти яркие, как кино, невероятные сны — тоже твоих рук дело?

Она замерла на секунду, потом рассмеялась:

— Сны — это твой собственный кинотеатр. Мои истории — просто... триггеры для твоего воображения.

— Хотя... — её глаза странно блеснули, — иногда мне кажется, что ты ловишь сигналы напрямую из тех мест, о которых я тебе никогда не рассказывала... Но теперь, — с довольным видом она забралась с ногами в кресло, — всё обещает быть гораздо интереснее! Ты не просто услышишь, а ещё и сможешь нарисовать — меня и моих друзей, и любых, кто тебе понравится из Вечных.

— О, ну наконец-то! — почти подпрыгнула я.

— Только учти, это долгая история, — ЕвВа откинулась на спинку. — Целая вселенная. Но будь осторожна: некоторые истории, стоит их услышать, начинают жить собственной жизнью. И требуют, чтобы их... записали. Готова ли ты стать не просто слушателем, а летописцем?

Я хотела ответить, но в пальцах вдруг почувствовала шершавую бумагу. Блокнот. Ручка. Я уставилась на них, не понимая, откуда они взялись.

— Стоп-стоп, не сегодня! — рассмеялась ЕвВа, и залятье рухнуло. — Сегодня ты и так узнала достаточно, чтобы твоя голова пошла кругом. Всему своё время, искорка.

Лекция о Вечных

Прошло несколько дней, прежде чем ЕвВа явилась мне вновь. Возможно, она знала, как всегда, что я была занята, и просто ждала подходящего момента, чтобы я могла полностью погрузиться в её рассказы.

— Ну как, вечер в нашем распоряжении? — Она притащила с кухни поднос с печеньками и конфетами и устроилась в кресле. — С тебя чай.

— А самой сделать — религия не позволяет? — съехидничала я в ответ.

— Точно! — ЕвВа тут же ткнула пальцем в мою сторону, подхватив мой тон и даже не изображая вежливость. — Где ты видела демона, делающего себе чай?

— Топай на кухню, я мысленно с тобой! — расплылась она в самой обаятельной улыбке.

Почему мне иногда хочется запустить в неё тапочкой? — подумала я, наполняя чайник.

С наслаждением поглощая вкусности, ЕвВа собиралась с мыслями.

— Считай, что это ознакомительная лекция. Вопросы — приветствуются, но сильно не увлекайся. Мастерски перепрыгивать с темы на тему и бесить слушающего — моя привилегия.

— Однако! — озадаченно выдала я.

— Итак, Вечные... — начала она, сделав большой глоток чая, — мы бессмертны, что как бы логично-понятно из названия. Но это так, приятное дополнение к способности путешествовать между мирами.

— Стой. То есть этот — их прям много?

— Хм, а ты быстро соображаешь.

Я только было открыла рот, чтобы задать вопрос, но ЕвВа тут же продолжила, прочитав мои мысли.

— И нет, мы не летаем на космических кораблях, это слишком долго. Мы умеем открывать порталы... Всего-то. Быстро и эффективно.

— О как! Действительно удобно, а-а.. — опять попыталась задать вопрос я и снова она меня опередила.

— Нет, демоны живут не в дурацком месте под названием «Ад» у вас тут, а на Скаларисе. Там тоже жарко, но и близко не то, что вы тут напридумывали.

— Может ты дашь мне хотя бы рот открыть? — рассмеялась я.

— Уже дала, — парировала она, заговорщицки подмигнув.

Я хмыкнула, а ЕвВа вернулась к «лекции».

— Мы разные — и внешне, и по характеру, и по способностям. Есть представители и вашего вида тоже — люди, но... они всё-таки сильно другие, пропитанные магией до мозга костей.

— И когда можно ждать подробностей? — не удержалась

я. — Эльфы, например... они какие?

ЕвВа лукаво улыбнулась, отламывая кусочек печенья.

— Из плоти и крови, как бы банально это ни звучало. Не торопись, со временем я тебе о них обязательно расскажу, но на чем мы там остановились? Ах да! Точно... Миры.

Так вот. Единственная настоящая наша одержимость — это возможность поучаствовать в судьбе мира. Но тут есть один нюанс. Мир может тебя не принять, и в таком случае ты просто «Зритель», как в кинотеатре. Бесправный, невидимый, скучающий. Даже если «кино» интересное, обычно никто не остаётся его смотреть. Но говорят, был один исследователь — всё искал секрет воскрешения из мёртвых, шатаясь по всей вселенной. Видать, очень было нужно. Лично я не вижу смысла оставаться, так что обычно — нет.

ЕвВа пожала плечами, но тут же в её глазах вспыхнул загадочный огонёк, а голос стал тихим и даже каким-то сказочным.

— А ещё есть могущественные, древние драконы... — Она провела пальцем по воздуху, оставив след из мерцающих пылинок. Сверкающие частички тут же образовали крошечную галактику с величественно летящими призрачными силуэтами драконов.

— Те, кто видел, как гаснут солнца... — прошептала она с нескрываемым восхищением.

Я замороженно смотрела на парящую в воздухе картинку.

— Многие из них участвуют в создании миров, а потом

в них же и остаются в роли Хранителей, чтобы поддерживать баланс. В вашем мире это — Зориэль. Он, кстати, умеет принимать человеческую форму, — в глазах ЕвВы мелькнули игривые искорки. — Интересно, каким ты его себе представишь.

— Уже заинтриговала. — Во мне вдруг проснулось жгучее любопытство. — То есть он может находиться среди людей? А можно как-то понять, что это он?

— Нет, даже если ты начнёшь догадываться, он уведёт тебя с этого пути размышлений. Люди для него — открытая книга. Других Вечных вы тоже не сможете вычислить, только если мы сами по каким-то причинам решаем открыться. Но обычно ... — ЕвВа явно подбирала слова. — Это случается крайне редко, а у вас потом новые персонажи сказок появляются, зачастую с прямо противоположными свойствами.

Лёгким жестом она рассеяла призрачную галактику с драконами и таинственно улыбнулась.

— Сказки о суккубах яркий тому пример. Но об этом в следующий раз.

— Подожди, но... ты ведь открылась мне, что теперь будет? — в лёгкой панике произнесла я. Мне совсем не хотелось, чтобы она исчезла.

— Возможно, твой мир наконец-то стал готов услышать... хм, другую точку зрения. Или... — её глаза насмешливо блеснули, — ты сама стала достаточно крепкой, чтобы не сломаться, попытавшись объять необъятное. В любом слу-

чае, пришло время новых сказок.

Я молчала, переваривая услышанное. Галактика в воздухе, драконы-хранители, миры, которые могут тебя не принять... В голове крутилась одна мысль, простая и оглушительная.

Где-то прямо сейчас ходит настоящий дракон... Значит, всё, что я считала сказкой, — возможно.

Мифология от ЕвВы

— ЕвВа, у меня ещё один вопрос, — сказала я, когда мы снова устроились с чаем. — Как так получилось, что у нас есть понятие «демон»? Это же вы так называетесь, и даже есть «суккуб» и «инкуб», но у нас вы с хвостами, когтями, копытами и жуткими свойствами.

— Вот в том-то и дело! — рассмеялась ЕвВа. — Вы как в том анекдоте: «Слышал, Абрам 50 рублей выиграл в карты!» — «Слышал. Только не Абрам, а Изя. И не 50, а 10 рублей. И не в карты, а в домино. И не выиграл, а проиграл». Можно даже не продолжать, посыл понятен, я думаю.

Она снова засмеялась, а затем продолжила, театрально прикрыв глаза рукой в знак вселенской усталости.

— Не суккуб, а суккуба. Не когти, а кинжалы или меч — да, обычно чёрные. Ну, потому что металл магический и это всё же оружие, а не часть тела. И главное, на кой чёрт нам ваши души? Что за манера пытаться продать то, что вам даже не принадлежит?

Я растерянно развела руками, пожав плечами. ЕвВа покачала головой и продолжила:

— А вообще всё достаточно просто. Один мой сородич, тоже Вечный, как-то раз наткнулся в лесу на стайку заблудившихся детей. Естественно, внешне он никак не отличался от людей и детей не напугал. А пока вёл их домой к лю-

дям в деревню, надо же было чем-то отвлекать от тревоги и переживаний — вот и начал травить байки про Скаларис.

И, ясное дело, ничего умнее не придумал, как описать нас такими, какие мы и есть — с крыльями, рогами... но не учёл одной маленькой детали: богатой фантазии слушателей. Анекдота того он тоже ещё не знал, а сейчас, наверное, голову пеплом посыпает.

Маленькие ушастики не просто всё запомнили — они потом своим детям пересказали. Справедливости ради, изначально «демон» было для вас равно божеству. Конечно, спасённая детвора и не догадывалась, что домой их привёл демон, но будучи людьми благодарными не стали окрашивать его сказки в чёрный цвет. Ну, а потом появились человеки, куда более изобретательные в своих фантазиях, чем мы в своих попытках представиться... И понеслась.

Так что ваши «демоны» с хвостами и копытами — это, можно сказать, народный фольклор. А мы... мы просто продолжаем жить.

— А как на демоническом слово "демон"? Также звучит или нет? Как вы себя сами называете?

— Хм, а зачем тебе?

— Ну ваш же язык совсем на наш не похож, я слышала, как ты ворчишь. Я часть звуков даже воспроизвести не могу.

ЕвВа усмехнулась и нарисовала в воздухе кириллицей.

— «Ак'Туурги», если буквально — «те, кто выбирает». Или «делающие выбор». На всеобщем — а Вечные именно

на нём общаются — это упростили до «демон»: «иной», «немы». В очереди сотворения наша раса вроде как была третьей, после драконов и сильфов, вот с их лёгкой руки мы теперь так и называемся. Они-то не знали, что «иные» не последние, что будут ещё нэрии, эльфы, тролли, люди и так далее, и тому подобное.

Она фыркнула, но в её глазах мелькнула знакомая смесь усталости и иронии.

— Для нас это просто слово. Как «дерево» или «река». Ничего особенного. Это вы слышали «иной» и дорисовали когти, ад и злобу и наполнили своим страхом. Вам не нужны внешние демоны, у вас свои, внутренние — страшнее не придумаешь. А как произнести, я сейчас покажу.

Правильно повторить за ЕвВой у меня вышло только с третьей попытки и всё равно получилось неидеально.

— Язык сломать можно, и им же потом и подавиться, — шутя возмущалась я.

— Это я тебе ещё имена демонов не называла. Хорошо, что у тебя нет магических способностей, а то точно либо прокляла бы кого-то, либо призвала.

— Вот уж радость какая, — вздохнула я и почему-то расстроилась, но немного помолчав решила спросить: — А демоны, они бессмертные?

Обучение суккубы

На тренировочном поле Цитадели, вооружившись учебными клинками, воспитанники разбились по парам и заняли позиции. После прохладных и тихих залов горячие порывы ветра и палящее светило будоражили, разгоняя кровь молодых демонов. Эмоции начинали бурлить и инстинкты пытались взять верх. Время для оттачивания боевых навыков под присмотром Вечного Мастера было выбрано не случайно. Самоконтроль, выработка реакций вне боевой формы и без применения магии — главная задача.

ЕвВа, можешь тренироваться на ком угодно, кроме инкубов. Запрещено! Наказание — изгнание! — правило Ведьмы-Хранительницы впилося в память, но сейчас ЕвВа мысленно смяла его и отшвырнула. *Почему?* — ядовито пронеслось в голове. — *Они же такие... соблазнительные...*

Она невольно покосилась в сторону Каина. *Особенно... Мастер.* Внутри всё ёкнуло — не страхом, а тягой. По коже пробежали мурашки, слишком знакомые и совсем не к месту. Эта мгновенная слабость едва не стоила удара в ребро — она успела парировать в последний момент, с нелепым вздохом.

Каин наблюдал за ней весь спарринг, и она знала об этом. Уже несколько недель ЕвВа чувствовала его интерес — и теперь сгорала от любопытства и, что уж там скрывать, от гор-

дости тоже. Ещё бы: мечта всех «проснувшихся» демониц Цитадели, но абсолютно равнодушный к любой из них.

Когда время истекло, Каин жестом велел ей встать в пару с другим демоном — ровесником, от природы более мощным и выносливым. Воспитанники переглянулись. Для суккубы, представительницы не самого сильного рода демонов, это могло считаться повышением. Или наказанием — если она не выстоит.

Первый удар больно задел руку. Второй пришёлся в локоть, заставив вскрикнуть. Уклонилась. Отбила. В первые минуты ЕвВа металась, слышала собственный нервный смех. А потом мысль о Каине, о его оценивающем взгляде, стала резать уже не томностью, а стыдом: *Он же видит — не воина...*

Тепло в жилах пришлось выжечь — оставить только холод. Внутри что-то резко переключилось — с податливой жертвы на соперницу. *Отбрось. Соберись. Заставь его видеть равную.*

В голове сложилась чёткая картинка действий соперника. К концу раунда она уже не отбивалась — атаковала.

Ещё раунд. Демон, злясь, пропускал удары один за другим. Она победила.

Каин не хлопал — лишь одобрительно кивнул. В последний год обучения она стала показывать не просто способности, а настоящий, острый талант. Ункарх, один из Верховных демонов Скалариса тоже её заметил и несколько раз уже на-

мекал, что Каину стоило бы взять ЕвВу в ученицы.

— Молодец, ЕвВа. Когда не мешаешь сама себе — получается. — Его голос звучал ровно, но во взгляде было нечто вымеряющее её до конца, будто бой был лишь частью. Он видел её пробудившийся потенциал... и не только. Молодые демоны читались им слишком легко, без усилий — желания выдают себя быстрее навыков. А уж единственная суккуба в группе, вся дышащая тем, что здесь не применяют, — и вовсе была открытой книгой. — С завтрашнего дня будешь тренироваться со мной. Через день, после всех занятий. Будем отсекать лишнее.

— О, не-е-т, ну почему? — застонала она, изображая вялый овощ.

Побеждённый демон фыркнул. «Довыпендривалась?» — говорили его глаза. Но ЕвВа, даже не глядя на него, чувствовала: за этим фырканием — почти детская зависть. Его выбрали бы за силу, её — нет. Демоны страсти всегда относились к отдельной касте — их одновременно и опасались, и вождели.

— Почему? — Каин поднял бровь. — Можешь лучше. Просто не всегда выбираешь это. Завтра жду. Свободна.

Чёрт, через день? Я сдохну... — она мысленно разозлилась на себя, но тут же губы тронула хитрая, томная улыбка. Она поспешно спрятала её, делая вид, что поправляет одежду. *Ну что ж, Мастер... Посмотрим, кто кого здесь будет тренировать. Если он думает, что это можно просто отсечь —*

пусть попробует.

Но ни первая, ни последующие тренировки не оставляли ей ни секунды на привычные игры. Каин, появляясь на площадке, начинал говорить раньше, чем она успевала зацепиться за него взглядом, заставляя отрабатывать уклонения и приёмы, так что к концу она просто валилась с ног. Какие уж тут игры — до кровати бы доползти.

Преодолев очередной рубеж, он обозначал ей новый, и это казалось бесконечным. Мастер почти никогда не хвалил её, но хотя бы освободил от общих занятий на поле, оставив только персональные тренировки, и она теперь могла уделять время другими предметами или просто бездельничать. В какой-то момент ЕвВа осознала, что синяков и ссадин стало гораздо меньше, но желание соблазнить наставника не утихло, а лишь ушло вглубь, превратившись в навязчивый, сверлящий душу фон. Оно мешало спать, заставляло в сотый раз прокручивать в голове каждый его взгляд, каждое слово. И придавало сил, когда ноги уже подкашивались.

Придя немного раньше на очередную тренировку, она подошла к ограждению и, устремив невидящий взгляд в долину, настолько погрузилась в мысли, что не заметила, как он появился на площадке. Холодное остриё кинжала, приставленное к горлу, вернуло её в реальность, заставив замереть на месте.

— Ну что, ты убита? И спрашивается, к чему все эти старания были нужны? — Каин убрал клинок и развернул её

за плечи. Он стоял прямо перед ней, так близко, что ЕвВа совсем растерялась, и единственным, что она могла сделать, было прикусить губу до боли, лишь бы не выдохнуть всё то, о чём думала все эти недели.

Она чувствовала исходящий от него едва уловимый запах — озон, смешанный с горьковатым дымком колдовских трав. Запах, от которого перехватывало дыхание. Запах силы и тайны... и его. Сознание затуманилось, а взгляд, против её воли, пополз вниз, скользя по упругим очертаниям мускулов, проступавшим сквозь ткань облегающей туники. И тут её пронзило словно ударом молнии: Каин смотрит прямо на неё и, кажется, читает каждую её мысль.

ЕвВа резко повернулась к нему спиной. Сердце бешено колотилось в груди. Паника смешалась в диком коктейле со смущением и вожделением.

В этот момент по обе стороны от неё возникли его руки, упёршись в ограждение и намертво ограничив пространство. Шансов на побег не осталось. Его тёплое дыхание коснулось шеи, и её кожа тут же покрылась мурашками.

— Если ты думаешь, что я узнал что-то новое... то ты ошибаешься.

Он некоторое время молчал, пока она лихорадочно пыталась собраться с мыслями.

— Вам же говорили, что суккубе не стоит связываться с инкубами?

ЕвВа кивнула.

— Знаешь почему?

Она выдохнула и повернулась в пространстве его рук, оказываясь лицом к нему — слишком близко.

Каин не отстранился. Наоборот — будто ждал именно этого. Он едва заметно кивнул — коротко, почти незаметно, но от этого ещё более опасно.

— Нет, — мотнула головой она.

— Потому что это марафон на истощение, — спокойно произнёс он. — И он всегда заканчивается одинаково: кто-то ломается. Уверена, что это будешь не ты?

ЕвВа промолчала, уставившись в сторону. На долю секунды внутри всё оборвалось — короткий, животный всплеск страха. Она вздрогнула. *Если Каин прав — а он редко ошибается — значит это не метафора. Это исход.*

И тут же что-то внутри заглушило тревогу. Не уверенность. Не надежда. Скорее упрямое отрицание самой идеи, что исход уже определён. *Ты не дашь мне погибнуть.*

Каин наблюдал за её реакцией:

— Старейшие пытаются уберечь вас — молодых, но слишком импульсивных — надежду на будущее... Но разве тебе кто-то указ? — Пальцы коснулись её подбородка — не мягко, не грубо. Точно. Он развернул её взгляд к себе. Тишина стала плотной.

Опасение не испарилось, оно маячило тенью, мешая поймать мысль, вертевшуюся на краю её сознания.

И тут, под его спокойным, изучающим взглядом, ЕвВу

осенило:

— Уступить — не всегда означает проиграть, — упрямо произнесла она.

Каин удивленно приподнял бровь и хмыкнул.

— Интересно.

Но теперь это уже не было завершением разговора. Он несколько мгновений молча смотрел ей в глаза и, отпустив подбородок, развернулся к выходу.

— Идём, — тихо бросил он через плечо.

Его жилище стояло рядом с территорией Цитадели, но в отдалении от других — статус Вечного давал много привилегий. Он пропустил её внутрь и закрыл дверь. Пространство окутала прохладная полутьма, пропитанная запахом кожи и древесной смолы. ЕвВа с болезненной остротой ощущала, как ускоряется кровь, как стучит сердце. Низ живота предательски и сладко свела судорога желания, нахлынувшего с новой силой.

Каин взял её за руку и повёл за собой.

Она ожидала спартанскую спальню воина, но, переступив порог, внутренне замерла — комната дышала влажным теплом и мерцала десятками огоньков. Небольшая округлая келья без окон, её наполнял полумрак, сотканный из пламени больших свечей в прозрачных бокалах. Их свет дрожал на стенах, смешиваясь с живыми бликами от воды, что с тихим журчанием наполняла бездонную чашу ванны, встроенную прямо в пол и мягко сиявшую бирюзой.

Каин развернулся и мягко притянул её за плечи почти вплотную к себе. ЕвВа резко вдохнула, рассчитывая на поцелуй, но в этот момент его одежда с шелестом, похожим на шорох бархатных крыльев, рассыпалась тенями, оставив его обнажённым.

Мгновенное удивление сменилось любопытством, и её взгляд скользнул вниз, по прочерченным мышцам живота, и замер в темноте между его бёдер, где неверный свет свечи выхватил мощный, сокрытый изгиб.

— Раздевайся, — тихо приказал он, не сводя с неё глаз.

ЕвВа фыркнула — ну и что, что в висках стучит, а во рту пересохло! Она тоже так умеет. Изящным движением руки она заставила одежду спорхнуть со своего тела чёрными пушистыми мотыльками.

Он не дал ей опомниться. Его пальцы обхватили её запястье, повели вниз, прижав ладонь к горячей коже низа живота — и туда, где она ощутила под пальцами твёрдую, напряжённую упругость. Не успела она обхватить его, как твёрдость тут же сменилась податливой мягкостью. Ощущение было столь же стремительным и противоестественным, как если бы её собственная рука вдруг стала призрачной.

ЕвВа опешила, пытаясь осмыслить этот демарш, озадаченно взглянула на Каина.

Он снисходительно ухмыльнулся, и в тот же миг под её пальцами его плоть, послушная воле хозяина, вновь наполнилась силой, став ещё твёрже, объёмнее и горячее.

— А что насчёт тебя? — Его рука, отпустив запястье, скользнула между её ног, ладонь прижалась к влажному, трепещущему жару.

Она прикусила губу, заглушив готовый сорваться стон, и уперлась ладонями в его грудь, чувствуя, как подходит волной головокружение.

— Ты — пленница своих желаний, не ты ими командуешь, а они — тобой. — Его дыхание обжигало шею, а его ласка путала все мысли, и голос слышался как сквозь туман. Она прижалась к дразнящей руке, инстинктивно пытаясь поймать её в себя, глубже.

— ЕвВа, сосредоточься... — он почти коснулся губами её уха. — Ты не техническое отверстие между ног, — остановил движение, плотно накрыв ладонью. — Ты — Суккуба!

Он слегка отстранился и прикоснулся пальцем свободной руки к её лбу. Холодок ясности пронзил хаос влечения. — Всё — здесь.

Она его услышала — шестерёнки встали на свои места, и пока ещё еле уловимое ощущение силы собрало сладострастие в тугой, раскалённый шар у самого её нутра. Она видела его внутренним взглядом: алый, пульсирующий сгусток, влекомый желанием к его руке. Мысленно она сдавила его, не позволяя энергии выплеснуться, запечатав томную негу внутри. Сознание внезапно очистилось от тумана, и её захлестнула новая, пьянящая сила — сила абсолютного контроля над собственной природой.

Он ощутил это изменение — жажда, исходившая от неё всё это время, исчезла, спрятавшись глубоко внутри, а её тело перестало отвечать ему влажным жаром.

— Умница! — шепнул он ей на ушко, убрал руку и с высокомерным видом дегустатора изысканных блюд демонстративно облизнул пальцы. — Ух ты! М-м, а ты вкусная.

За что тут же получил ладонью по лбу.

— Эй, ты что это себе позволяешь, козавка? — шутливо возмутился Каин, подхватил её под мышки, и не успела ЕвВа опомниться, как оказалась вместе с ним в воде, на мгновение скрывшись с головой.

Она вынырнула на поверхность, смеясь и фыркая, и подплыла к нему. Он коварно улыбнулся.

— Даже не думай. Не сегодня. С тебя пока хватит, — увернувшись от её рук, скрылся под водой и через мгновение вынырнул у противоположного края.

Выбравшись из ванны, он обернулся:

— Сама вылезай, а то опять приставать начнёшь.

— Размечтался! — хмыкнула она и, с силой оттолкнувшись от края, выкарабкалась на каменный пол.

— Допросишься — получишь по своей хорошенькой заднице.

ЕвВа, всё ещё обнажённая, показала ему язык, отряхивая от воды волосы.

Каин лениво усмехнулся:

— Кажется, я открыл ящик Пандоры, — пробормотал он

себе под нос, с лёгким, почти отеческим вздохом, который тут же скрыл.

Уже проводив ЕвВу к Цитадели, он протянул ей свёрток.
— Я приберегал это для момента твоего катарсиса. Не думал, что это произойдёт так скоро, но кое-кому слишком уж явно не терпелось получить внеурочный опыт. Что ж, ты это сделала. Ты взяла под контроль свою суть — это достойно такого подарка. Развернёшь, только когда окажешься в своей комнате. И учти, я узнаю, если обманешь.

— Что это? Я не могу! — запротестовала она.

— ЕвВа! — строго сказал он. — Давай договоримся: не понравится — вернёшь. Идёт?

Её глаза горели любопытством, она послушно кивнула.

Влетев в свою комнату, ЕвВа уже тянулась к свёртку, но вспомнила слова Каина. *"Только в своей комнате"*... Ну, она *всвоей комнате!* Мгновение борьбы с любопытством — и она торопливо развернула свиток... и ахнула.

Внутри лежала пара изящных кинжалов из чёрного металла с загадочной вязью на рукоятках. На Скаларисе таких не делают. Но едва она успела прикоснуться к подарку, как в комнату ворвалась Ведьма-Хранительница собственной персоной.

— Ты где была? — спросила та сурово, но ЕвВа ясно слышала в её голосе тревогу. Не желая увиливать, она прямо ответила, что у Мастера.

— У инкуба! — Хранительница мгновенно помрачнела, но тут её взгляд упал на оружие.

— Откуда это?

— Мастер подарил. Сказал, они просто созданы для меня. Хранительница, как ты считаешь?

— И всё? — та недоверчиво всмотрелась в неё, пытаясь уловить следы интимной близости, но, не будучи суккубой, ей было не так-то просто различить этот тонкий аромат.

— Да, — голос ЕвВы прозвучал на удивление ровно. Она и сама почти поверила, что это — вся правда. Пожав плечами с абсолютной, наигранной невинностью, она наблюдала, как напряжение в плечах Хранительницы тает. Мелькнувшая в глазах ЕвВы самодовольная улыбка осталась незамеченной.

— Хорошо! Занимайся, тебе ещё надо другим предметам уделять время, а не только фехтованию! — отчитала она и удалилась.

ЕвВа не вернула кинжалы, а в их последующие тренировки добавились дерзость и особая теплота общей тайны, а ещё разговоры. Каин теперь заставлял анализировать ощущения и контролировать всплески эмоций, вытаскивая из неё мысли и желания.

Время текло быстро и незаметно. Будничная суэта осталась позади, а впереди... ей оставалось всего несколько недель до выпуска, а там — полная свобода. В лёгком нетер-

нении она сидела на краю скалы, свесив ноги в пустоту, когда увидела идущего к ней Каина. Он уселся рядом, и она насторожилась, заметив его непривычно серьёзный вид.

— Мне надо покинуть Скаларис. Надолго ли — не знаю. — Он сразу перешёл к делу и даже не попытался столкнуть её с уступа, а это значило — дело серьёзное. — Ты можешь выбрать другого Мастера. Но если не захочешь, я заранее подтверждаю твой уровень для Старейших.

ЕвВа нахмурилась.

— Не нужен мне другой Мастер! Да и учиться осталось недолго... — Она замолчала и вдруг с надеждой спросила: — А можно мне с тобой?

Каин улыбнулся и обнял её за плечи.

— Пока нет. Там, куда я направляюсь, тебе ещё слишком опасно. — Ей послышалась в его голосе мрачная холодность, что-то, от чего у неё самой шевельнулась где-то внутри странная кровожадность.

ЕвВа уже собралась спорить, но он, приложив палец к её губам, заставил замолчать.

— Я буду на твоём выпуске. Надеюсь, этот мой аукцион невиданной щедрости станет тебе утешительным призом.

Она упрямо поджала губы.

— Ты хоть скажешь — куда?

Каин рассмеялся.

— Нет.

— Почему?

— Я тебя слишком хорошо знаю. Мне ещё за тобой приглядывать не хватало!

ЕвВа сердилась, но понимала: он прав. Она ещё не заслужила бессмертие, и стать для него обузой ей совсем не хотелось.

Помолчав, она вздохнула, раскрыла крылья и спрыгнула вниз, чтобы через мгновение бесшумно приземлиться у него за спиной. Каин тоже поднялся и, снисходительно улыбаясь, добавил:

— Никуда без выпендрёжа, да, ЕвВа? Иди сюда, чудо!

Он притянул её к себе, взъерошил волосы, испортив причёску, и крепко обнял.

— Веди себя как надо, а не как захочется! Надеюсь, мне не придётся за тебя краснеть!

ЕвВа заворчала, пытаясь высвободиться, но тщетно. В насмешку Каин приподнял её, оторвав от земли, по-отечески чмокнул в лоб и резко отпустил.

Прежде чем она успела восстановить равновесие и что-то ответить, он развернулся и ушёл, не оглядываясь. Оставив её одну на краю скалы — сердиться, приводить волосы в порядок и понимать, что будет ждать его возвращения.

ЕвВа скептически осмотрела себя в зеркале. Тёмно-зелёное платье казалось ей слишком... чужим. Она приложила к груди кроваво-красную ткань — и этот вариант ей нравился несравненно больше. Цвет идеально сочетался с её кожей

лёгкого бронзового оттенка и гривой тёмных, почти чёрных волос.

Раздевшись догола и облачившись в кроваво-красное, она замерла перед зеркалом. Широкая полоса ткани мягко легла на грудь, соблазнительно подчёркивая её форму. Всё в этом наряде было дерзким вызовом: и кожаные поручи на запястьях, и длинная юбка с разрезом, зашнурованным от колена до самого пояса, и лаковые сапожки, чётко обрисовывающие линию ноги.

Покружившись, ЕвВа решительно расплела шнуровку, оголив бедро далеко выше колена. И тут же фыркнула: *кого она пытается обмануть? Каин видел её голой — какая разница, в чём она будет?*

Она прислушалась к внутренним ощущениям, обратилась к источнику своей силы и аккуратно прикоснулась к нему волей. Почувствовав отклик, она снова посмотрела в зеркало.

На неё смотрела не ученица, а Суккуба. Её взгляд пылал тёмным бархатным огнём из-под полуопущенных ресниц, а на губах играла мягкая полуулыбка — одновременно обольстительная и всезнающая.

Оставшиеся недели пролетели для ЕвВы в новом ритме. Прежнее нетерпение сменилось спокойной, уверенной готовностью. Она не просто ждала свободы — она оттачивала себя для грядущего, и образ Каина был её неотъемлемой ча-

стью. Иногда, касаясь рукояти его подарков, она чувствовала лёгкий отзвук его присутствия — то ли память, запечатлённая в магическом металле, то ли игра воображения. В ночь перед выпуском она стояла перед зеркалом в своём дерзком красном наряде и ловила на своём лице то самое выражение «знающей демоницы».

Завтра для неё всё изменится. Не потому, что начнётся новая жизнь — а потому, что наконец закончится старая, пансионная.

Ей запечатлеют на ладонь Знак Мастерства — ключ от ворот, наглухо закрытых с детства. Доказательство, что она обуздала свой нрав. И предупреждение: лучше её не злить.

Завтра её клетка распахнётся. И она встретится с Каином не как ученица с Наставником, а как полноправная носительница Знака.

На равных.

Торжественная часть осталась позади — поздравления, напутствия, запечатление. Над ладонями вспыхивал призрачный огонь символов, замирал в воздухе и осыпался пылью на кожу, оставляя тёмно-бордовый след — навсегда.

ЕвВа отступила к каменной колонне на краю площадки, пытаясь перевести дух. В груди ещё вибрировало послевкусие церемонии. Она сжимала и разжимала ладонь, прислушиваясь к новому, слегка зудящему ощущению Знака. Перед ней шумел праздник — смех, музыка, беззаботные си-

луэты. Каина среди них не было.

Из тёмного арочного прохода за спиной потянуло лёгким ветерком, приятно охлаждая кожу. Сначала изменилась тишина: праздник впереди стал дальше, глуше, словно его слегка отодвинули. Шагов не было слышно. Но она уже знала — он здесь.

Сердце подпрыгнуло в груди, и лицо засветилось радостью, но она тут же спрятала её.

— Поздравляю со вступлением во взрослую жизнь. — Голос Каина прозвучал из тени так, будто он был там всё это время. — Надеюсь, к новым привилегиям прилагается... последний урок от бывшего наставника?

ЕвВа не сразу обернулась. Слишком быстро — нельзя. Улыбка появилась раньше движения. Лёгкая, почти случайная.

— Смотри, чему он хочет меня научить, — хитро прищурившись, произнесла она тихо и низко.

Каин посмотрел на неё дольше, чем нужно для ответа и усмехнулся.

— Я-то думал, ты кинешься мне на шею, и мы будем долго и нудно вытирать твои слёзы радости. А тут меня встречает хищница, да ещё и во всеоружии... — Он описал в воздухе лёгкий, насмешливый жест, как если бы проводя раскалённым кончиком пальца по оголённой линии её живота, от бедра до бедра, не касаясь — но кожа это уже приняла.

Он сделал шаг вперёд. Не торопясь. И расстояние исчезло.

— Тебя кто-то покусал?

Воздух между ними сгустился.

— Таких смелых тут не нашлось, Мастер, — её слова сорвались едва слышным, манящим шёпотом.

Он шагнул ближе. Теперь осталась дистанция, которая существовала лишь формально и уже не работала.

ЕвВа почувствовала это телом раньше, чем мыслью. Слишком резкое осознание того, что любое движение уже имеет адресата. Пальцы сами нашли край его одежды. Острый кончик ногтя скользнул по самой границе — где плотная ткань встречалась с горячей кожей, заставив мурашки пробежать вниз по его телу.

Он позволил этому случиться. И в глубине его глаз, сквозь усмешку, мелькнуло нечто новое — не уступка, не игра, — ожидание.

Его ладонь легла на её оголенную талию и, скользнув по изгибу дальше на спину, остановилась на поясе. ЕвВа не ощутила ни головокружения, ни жаркой волны — только азарт и удовольствие от игры.

— Смотрю мои уроки не прошли даром, — тихо произнес он, губы сложились в ироничную усмешку. — На этот раз играешь по-крупному? Что ж, я предупреждал.

В этот момент темнеющее небо над их головами с оглушительным грохотом рассыпалось тысячами магических огоньков, вызвав не менее оглушительные вопли всеобщего вос-

торга. Искрящиеся сгустки с тихим шипением медленно опускались, оставляя разноцветный шлейф, и исчезали, так и не коснувшись земли.

Каин мягко увлёк её под тень арок. Скрывшись от посторонних глаз, он притянул ЕвВу к себе, прислонившись спиной к покрытой мягким мхом каменной колонне. Её ладони легли ему на грудь — пальцы впились в ткань рубашки и касаясь кожи под ней. Рука, скользя к шее, притянула его ближе. Она незаметно втянула запах, от которого у неё раньше шла кругом голова, а сейчас она его с наслаждением смаковала.

Каин нашёл её губы, касаясь их кожи легко и невесомо, не позволяя почувствовать вкус поцелуя, но, уловив её настойчивость, укусил за нижнюю губу.

— Всегда было интересно наблюдать, как ты это делаешь.
— Его дыхание коснулось её подбородка.

— Ну и как? Вкусно? — тихо парировала она, вздрогнув от ощущения его губ уже на шее.

— Ничего так, пойдёт.

— Может, в других местах тебе больше понравится?

Его руки соскользнули по спине ниже, прижав её к себе за бёдра, ладони сжали ягодицы. Она ощущала его напряжение.

ЕвВа, не сдержавшись, выдохнула громче, чем хотела, когда его губы заскользили по её коже, чередуя поцелуи с пунктиром лёгких укусов. Никто не касался её так — словно читал по коже скрытую партитуру, которую она и сама не знала.

Она не была готова. Его касания сливались в ритм, незнакомый и сводящий с ума.

Добравшись до соска, Каин нежно прикусил его сквозь ткань, сорвав с её губ ещё один вздох и отстранился, выпрямившись так, что она оказалась в его объятиях, полностью прильнув к нему всем телом.

— Кажется, кто-то забыл всё, чему научился, — улыбаясь, тихо произнёс он.

— Потому что кое-кто использует запрещённые приёмы. — Она была одновременно и рада этой передышке, и разочарована такой резкой паузой.

— Ну я же не виноват, что кто-то не умеет подбирать себе партнёров. Могу подсказать, на что обращать внимание, — его голос дышал самодовольством, а руки распалили, незаметно вырисовывая узоры на коже её спины.

— Как-нибудь обойдусь. Не хватало, чтобы ты мне ещё и любовников назначал, — фыркнула ЕвВа.

— Так я и не настаиваю. Я — демонстрирую. Всего лишь почувствуй разницу, — ответил Каин низко и бархатисто. Он не стал двигаться, но тёмный арочный проход за его спиной вдруг потянулся, удлинился, а в его конце вместо ночного сада вспыхнул тёплый свет, и возникла комната, она не узнала её, но сразу поняла, что это его спальня. Каменная кладка стены поплыла, как вода, смыкаясь за этим новым «проходом».

— Это у тебя входит в скромный набор начинающего ин-

куба? — выдохнула она, заворожённо глядя на метаморфозу.

— Привилегия Хозяина, — он мягко подтолкнул её вперёд, в уже знакомый запах кожи и древесной смолы. — Территория меняется. А наши правила — нет.

Как только они оказались внутри, стены комнаты вернулись в своё привычное состояние, и звук праздника исчез так резко, будто его не было.

Тишина в комнате казалась осязаемой. ЕвВа успела бегло осмотреться. Здесь не было ничего лишнего: тёмное дерево, камень, приглушённый свет, а большая и низкая кровать стелилась по полу подобно зверю на логове.

Его ладонь легла ей на талию так, будто там и должна была быть. Каин не торопился. Он просто смотрел. А когда она повернулась к нему — наклонился, поймав её губы в долгий, нежный поцелуй, не оставивший места для сомнений или мыслей.

Всё стало плотнее: кожа, дыхание, расстояние между их движениями. И теперь она уже не могла сказать, где именно начинается его действие и заканчивается её ответ. В какой-то момент она поймала себя на том, что не думает вообще. Только реагирует. Только отвечает.

Её руки сами потянулись к его одежде — чуть резче, чем следовало. Он усмехнулся, ответным движением потянув завязки её верха. Тонкая ткань бесшумно упала к их ногам. Его пальцы нашли пряжку — и юбка медленно сползла на

пол, окончательно обнажая ту самую ногу, что так нагло красовалась в разрезе.

Не спеша покрывая поцелуями шею, грудь, он внезапно опустился к ногам. ЕвВа замерла в предвкушении, но тут услышала и ощутила, как открывается молния сначала на одном, а потом и на втором её сапоге. Она резко открыла глаза и наткнулась на его усмешку. Он просто снимал с неё сапоги...

— Я тебе это ещё припомню! — изображая грозную мышь, нахмурилась ЕвВа.

Каин поднялся, а в следующее мгновение она уже лежала на кровати в его объятиях.

— Ой, как страшно, мелочь голополая! Нет, чтоб спасибо сказать, — передразнил он и заглушил её возражения поцелуем. Она уступила, растворяясь в его ласках.

Его пальцы скользнули по внутренней стороне её бедра — точно, выверенно. Мурашки бежали следом, и она зажмурилась, вслушиваясь в этот ритм всем телом. Его касания — знающие, дразнящие, и её кожа пьёт каждый поцелуй. Она слышит его удовольствие, впитывает его... глубоко внутри шевельнулась смутная тревога.

Мягко раздвинув ей ноги, он приник к ней губами. Она резко вдохнула и забыла обо всём.

Медленно, смакуя, он читал каждую её дрожь, каждый оттенок её блаженства. Когда терпеть стало невозможно — ЕвВа отпустила себя. Пальцы бессознательно запутались в его

волосах, прижимая к себе всё сильнее, с губ сорвался тихий, прерывистый стон. Звук, полный такого чистого, безвольно-го наслаждения, что она сама бы его не узнала.

Сбросив с себя последнюю одежду, он навис над ней.

— Я ведь не шутил... — его шёпот коснулся шеи, возвращая её в реальность. — Ты на вкус... как первый глоток урагана.

ЕвВа в ответ замурлыкала и прильнула к нему всем существом, ища губами его кожу, словно пытаюсь стереть и без того невидимую границу между ними.

Но вместо того, чтобы накрыть её своим весом, он перекатился на спину, увлекая её за собой в этом движении. Так плавно, что она лишь через мгновение осознала, что лежит на нём сверху, вся — кожа к коже, чувствуя под собой каждый мускул его тела.

Твоя очередь, — прочитала она в его ухмылке.

Приподнявшись над ним с видом невинной хищницы, ЕвВа облизнулась, медленно проведя языком по верхним зубкам. Она наклонилась, касаясь его тела так и ровно в тех местах, которые подсказывало ей врожденное чутьё. Скользнула ниже, не ускоряя ритм ни на мгновение, чувствуя нарастающее напряжение. Он мягко надавил ей на плечи.

Она послушалась — и нет одновременно, — растягивая нежную пытку, ловя каждую искру его удовольствия. Мышцы живота, вздрогнув, напряглись от её укуса, а когда кончик языка, легко, как перо, коснулся головки члена, из его

груди вырвался короткий, сбитый выдох. Взгляд стал обжигающим, тёмным и тяжёлым, полным немого требования.

— А это... входит в программу... выпускного? — тихо промурлыкала она, глядя на него снизу и дразня языком.

— Только для отличившихся. А теперь замолчи и почувствуй, — он прижал ее губы к своей коже.

Но она уже чувствовала — эта опьяняющая сила и была тем самым откровением.

Она пользовалась своей властью ещё несколько мгновений, а он... позволял, со сладким томлением наблюдая, как она правит его телом. А затем рука легла ей на затылок и мягко потянула вверх. Она поняла его намерение без слов и, поднявшись над ним, опустилась на него сверху, приняв его в себя. Он вошёл глубоко, заставив её закатить глаза от упоения, а его ладони плотно обхватили её ягодицы, помогая задать ритм.

Его удовольствие перемешалось с её, окутав обоих. С щекочущим, приятным покалыванием оно проникало под кожу, растекалось по нитям нервных окончаний и пробирало до самого нутра.

На мгновение — слишком хорошо.

Она услышала. Откуда-то изнутри поднялся и начал разливаться по венам знакомый, чёрный жар — желание поглотить, подчинить, выпить его наслаждение досуха. Тот самый инстинкт, что делает связь суккубы и инкуба битвой на истощение, где у него всегда есть фатальное преимущество.

Нem! Cmon! — вспыхнуло в сознании.

И она испугалась. Не его, а себя.

Она замерла, провалившись в паузу между ударами сердца, и в этой внутренней тишине услышала его внимание. Он не отпускал, держал, наблюдая. Не как судья, а как... понимающий. И в этом молчаливом понимании она вдруг ясно увидела их общую природу. Он дарил ей себя, не брал, не поглощал. И они были двумя сторонами одной монеты.

Она ощутила эту силу и, отдавшись её власти, произвольно вздрогнула. Могучее, щедрое течение захлестнуло, смыло жажду поглощения, как волна смывает надпись на песке.

Не выпуская его из себя, ЕвВа медленно наклонилась вперед и приблизила к нему лицо так, что между кончиком её носа и его губами остался только вздох.

— Ка-аин... — растягивая его имя как конфету, произнесла она. — Ты же всё знал заранее, — и добавила, игриво насупившись. — Ты — неправильный инкуб.

На его губах словно невзначай появилась и исчезла улыбка. Мгновенным, собранным движением всего тела он перевернул её на спину, оказавшись сверху. И вошёл в неё до предела, заполнив собой и заставив её застонать от наслаждения, впиваясь коготками в его спину.

— Ты — такая же, — прозвучал его шёпот у неё над ухом. Он замер в ней, ловя последние отзвуки её преображения. Рождение равной ему сущности стало для него самым упои-

тельным ощущением.

И вот только сейчас, отбросив все тревоги, он начал любить её — по-настоящему, получая наслаждение не от обучения, а от неё самой, от самого процесса слияния, от каждого вздоха и каждого трепетания её тела в унисон с его.

Было уже далеко за полдень, когда Каин проснулся. Он и так задержался здесь дольше, чем следовало, бросив всё ради её выпускного. Теперь невыполненные обязательства властно напоминали о себе. Он смотрел на спящую ЕвВу — обнажённую, беззащитную и до краёв наполненную им. Желание снова коснуться её было почти невыносимым. Но он погасил этот огонь усилием воли. Она ещё не усвоила то, что получила.

Осторожно, чтобы не потревожить, он поднялся с кровати, оделся в простую дорожную одежду и, присев на край, наклонился к ней.

Он разбудил её, сжав губами и облизнув тёмно-розовый сосок. ЕвВа замурчала и попыталась прижать его голову к себе, но он поймал её руку, приложив раскрытой ладонью к своим губам. Она потянулась к нему, но коснулась не кожи, а грубой ткани его рубашки, и с удивлением села в кровати.

— Ты куда? — сонно произнесла она.

Сквозь плотную ткань на окнах пробивались лучи после-полуденного светила.

— Мне надо уходить, — тихо произнёс Каин. — У меня

ещё остались невыполненные обязательства.

— Там же?

— Да. — Он притянул её лицо и нежно поцеловал в губы.

— Считай, что ты — дома. Спи сколько захочется.

— Я не хочу спать, — честно соврала ЕвВа. Приятная нега, густая и тягучая, как мёд, окутывала её конечности.
Сколько они спали? Час? Пять?

— Хочешь! Спи.

Он мягко уложил её обратно на подушки и натянул одеяло до самого подбородка, скрывая от собственного искушающего взгляда её соблазнительную наготу.

Она почувствовала прикосновение его воли, неумолимой и убаюкивающей. *Так вот как это ощущается — инкубы штучки! Она ему это ещё припомнит, потом, но сейчас... Ладно... На этот раз... ты победил...* — проваливаясь в сон, успела подумать ЕвВа.

Марафон на истощение

Однажды, когда я редактировала финальную версию истории об обучении, у меня появился вопрос. К счастью, ЕвВа была рядом и как раз перечитывала готовые рассказы, подбирая к ним иллюстрации.

— ЕвВа, я всё-таки не до конца поняла. Почему суккубам нельзя связываться с инкубами? И что значит — «кто-то обычно ломается»?

— Ох, ты про марафон на истощение? — ЕвВа оторвалась от планшета и лукаво улыбнулась.

— Да, расскажешь?

— Само собой. Марафон на истощение — это битва. Битва энергии, контроля и, в конце концов, воли. Только Воля там сдаётся первая.

Демоны страсти, в отличие от других демонов, могут питаться сексуальной энергией — одной из самых древних и мощных энергий во вселенной. Конечно, для нас это далеко не единственный способ насыщения силой, но он самый простой и эффективный. Мы непревзойдённые любовники, потому что чувствуем самые сокровенные желания, считываем потребности партнёра. Всплеск энергии наслаждения — это эйфория для него и подпитка для нас.

Она хитро сощурилась и покачала пальцем:

— Но не для всех рас это безопасно. Например, вы — лю-

ди, переживаете удовольствие слишком интенсивно, слишком ярко. У вашей расы близость с демоном страсти оставляет после себя ощущение опустошённости, смешанное со жгучим, почти болезненным желанием повторить. Это как наркотик — остановиться, разорвать такую связь невероятно сложно.

Между демонами эффект не столь разрушителен, связь разрывается гораздо проще и не так болезненно, но подчинить себе сородича — запросто. Снова через секс. Кстати, это наше слово.

Я удивлённо на неё уставилась, а она, подмигнув, продолжила:

— Почему же суккубе нельзя с инкубом? Занимаясь сексом друг с другом, они теряют связь с реальностью. Просто представь, не только ты слышишь желания партнёра, но и партнёр считывает и воплощает в жизнь все твои потребности. Ураган ощущений настолько мощный, что самоконтроль даже у высших демонов даёт сбой и уходит в отключку. Но проблема в том, что инкубы изначально выносливее и сильнее.

Даже не желая этого, инкуб подавляет суккубу в процессе, он не даёт ей насытиться энергией удовольствия, поглощая всё целиком, включая и её собственный ресурс. Противостоять этому она не в силах. В итоге, выпитая досуха, она надламывается. Теряет самоощущение, целостность... Обычно после этого суккуба впадает в уныние и в конце концов гиб-

нет.

У Ведьмы-Хранительницы были все основания переживать. — ЕвВа с нежностью улыбнулась.

— Но Каин и я... мы другие. Почему? Пока однозначного ответа нет. Но время от времени на Скаларисе рождаются уникальные демоны — так же, как и гении на Земле.

— Но вас сразу двое, — вставила я.

— Да, только Каин меня почти на тысячу ваших человеческих лет старше.

— К-хм, ой...

— Вот-вот. Так что не перебивай. Мы с ним способны «питаться» не только поглощая, но и отдавая, наполняя партнёра сладостью. А в итоге получаем даже в разы больше силы, чем если бы просто брали. Акт дарения своей сутью всегда сильнее поглощения. И с нами зависимость не возникает, даже у людей.

Но открыть в себе такую способность, не имея к ней врождённой предрасположенности, — практически нереально. Это... избранность.

Она пожала плечами.

— Ну что, теперь понятнее?

Я кивнула. Теперь мне стало ясно, почему Каин так заинтересовался, когда в ответ на его предупреждение ЕвВа заявила, что «уступить — не всегда значит проиграть». Она была готова осознанно отказаться от «питания» в тот момент, когда для обычной суккубы сама такая мысль была не

то, что недопустима, а попросту невозможна.

— Подожди, а вы скрывали свои отношения?

— Нет. Ты хочешь спросить, как нашу связь восприняли на Скаларисе? — снова прочитав мои мысли, ответила ЕвВа.

— Ну да, вас же видели другие демоны вместе, и вряд ли они верили, что вы просто чай пьёте до утра? Разве вам не задавали вопросов?

— О, да-а-а... Это был скандал! Грандиозный! Представь: все видят, как я, суккуба, пошла против правил и провожу ночи со своим бывшим наставником, самым могущественным инкубом Цитадели. И при этом — жива, здорова и даже стала сильнее. Возникал один логичный, с их точки зрения, вопрос: «Как?!» Старейшие, они-то всё прекрасно понимали. А вот остальные...

— И что вы сказали остальным?

— Ничего! Поначалу. Пока слухи не превратились в настоящую истерику. Одни думали, что Каин меня по-тихому подчинил и я его рабыня. Другие — что я какая-то мутантка-мазохистка. Третьи требовали у Старейших немедленно нас разлучить, пока я не «заразила» своим примером других суккуб. — Она покачала головой. — Это было смешно, пока не надоело нам обоим.

— И как же вы выкрутились?

— Каин выкрутился. С присущим ему изяществом. — В её глазах блеснула смесь гордости и насмешки. — За нами тогда частенько кто-то увязывался — поглазеть. Ну, а он по-

дождал, пока любопытных наберётся побольше и просто... поцеловал меня, с такой страстью, что от ощущения всплеска его энергии, такой плотной и сладкой, у младших демонов подкосились ноги. А потом посмотрел на всех и сказал: «Ощутили? И это только слабая часть Спирали Слияния. Вам придётся смириться, что я — первый инкуб, кто владеет не только примитивным Жаром Поглощения».

— Ого, у этого ещё и название есть?! И все поверили?

— Им не оставалось выбора! Это же Каин. Он не стал бы унижаться до оправданий, если бы это не была правда. Так и родилась наша с ним официальная легенда: «необычный инкуб». Гораздо проще было поверить в его уникальность, чем в нашу общую. Это всех успокоило. Ну, почти всех. — Она хитро подмигнула. — Старейшие до сих пор смотрят на нас с тем самым понимающим взглядом, от которого у Каина начинается нервный тик.

— А к нему не выстроилась тут же очередь из других суккуб?

— К Каину? Смеёшься?! Он же Вечный, ни одна из смертных демониц никогда не решится обратиться к Вечному первая, без очень серьёзного повода.

ЕвВа рассмеялась, но увидев моё удивлённое выражение лица, добавила, драматично хлопнув себя по лбу.

— Ах ну да, я же тебе ещё не рассказывала. Ладно, это будет отдельная история про Скаларис. Но сейчас с тебя печеньки!

Я поняла, что только что получила исчерпывающий ответ, упакованный в идеальную историю. Это и было её искусство — превращать лекцию в соблазн.

Испытание Сердца Скалариса

*"И смерть умрёт, а ты пребудешь вечно."
<i>Шекспир. Сонет 146</i>*

Он ещё спал, когда ЕвВа тихонько выбралась из постели, быстро оделась и выскользнула из спальни. Весь остаток ночи ей не давали заснуть мечты о путешествиях между мирами. Каин был плохим рассказчиком — вечно умалчивал и недоговаривал, отшучивался и переводил тему. За всё то время, что они провели вместе, эти обрывочные истории сложились в мозаику, от которой перехватывало дух. В этот раз она его мучила расспросами до тех пор, пока он не заснул. И того, что удалось вытянуть из него, хватило, чтобы окончательно лишиться сна. Бесшумно закрыв за собой входную дверь, ЕвВа взмыла в воздух.

Опустившись рядом с Обителью Старейших, она уже собиралась шагнуть под её узорчатый свод в робкой надежде, что Ункарх уже будет на месте и не станет её отговаривать, как навстречу из тени колонн вышел Каин, преградив ей путь.

— Очень интересно, куда это ты собралась? Смылась и даже ничего не сказала на прощание!

ЕвВа растерялась, во-первых, она не ожидала, что он так быстро проснётся, во-вторых, что узнает куда она собралась

и, в-третьих, обгонит её. Это было неприятно, внутри всё сжалось от ощущения пойманного на месте преступления мелкого пакостника. *Да почему?! И как у него это получается?*

— Ка-аин... ну дай пройти — она состроила умильную рожицу и попыталась его обойти. Он взял её за руку и резко притянул к себе. Его пальцы сжали запястье с такой силой, что стало больно.

— Ты не готова, — тихо произнес он после паузы, пристально глядя ей в глаза. В его голосе и во взгляде была непривычная, мрачная твёрдость — ни тени снисходительности или игривости.

ЕвВа удивлённо уставилась на него.

— Не готова — к чему? — она попыталась прикинуться самой невинностью, но поняла по его молчанию, что фокус не пройдёт. Он читал её как открытую книгу.

— Откуда ты узнал? — сдалась ЕвВа с досадой в голосе произвольно перейдя на шёпот. Внутри проснулось упрямство.

— Неважно. Важно, что ты не готова.

— Каин! Я спрошу у Старейшего. Если он скажет, что нет, то...

— То ты пойдёшь спрашивать у другого Старейшего. Думаешь, я не знаю, как это будет? — перебил он, не дав ей договорить, и его голос впервые сорвался на низкое, яростное рычание. — Ты думаешь, это про силу? Я был в десять раз

сильнее тебя сейчас, когда шёл туда! И это меня чуть не сломало. Ты не готова не телом, а здесь. — Он коснулся пальцем её груди, и она почувствовала, как по спине пробежали мурашки. — Ты идешь за наградой. А идти нужно — чтобы отдать всё. Всё до последней капли. И даже тогда никто не гарантирует, что ты получишь что-то взамен.

Она нахмурилась, ощущая нарастающий внутри бунт, но тут у него за спиной внезапно появился силуэт и раздался низкий голос Ункарха — одного из Верховных Демонов. Его рука легла на плечо инкуба, мягко, но недвусмысленно отстраняя его.

— Мне кажется, или ты искала меня, ЕвВа?

Каин обречённо вздохнул, отпустил её руку и повернулся к Старейшему.

— Я пытался её отговорить, но, возможно, у тебя это получится лучше.

— Думаешь? Ещё ни разу не получалось, — честно ответил он, с искренним сомнением в голосе.

Каин метнул на Ункарха взгляд полный недоумения и отчаяния. В нём читалось всё: от «ты что, с ума сошел?» до «она же прямо сейчас туда стартанёт!». Но Старейший лишь невозмутимо поднял бровь, будто говоря: «А что? Правда ведь?»

Гулкое эхо шагов сопровождало их под сводами главного зала Обители. Тонкие, покрытые древними письменами колонны. Разрезающие полумрак лучи света, в которых пляса-

ли частички магии. Тихая прохлада наполняла обитель Старейших. Они остановились около постамента с полусферой в центре, и Ункарх обернулся к ЕвВе, готовый её выслушать.

— Я хочу пройти по Тропе Испытания. Я готова.

Демон оценивающе посмотрел на ЕвВу, и в его глазах она увидела одобрение.

— Нет! — ответил вместо Старейшего Каин. Он стоял с ним рядом скрестив на груди руки, хмурый и недовольный.

— Почему это? — она упрямо поджала губы. Верховный Демон тоже повернулся к нему, и в его взгляде, к своему удивлению, Каин прочёл несогласие с его «нет».

Старейший когда-то был его наставником и до сих пор, много лет спустя, прекрасно считывал истинные мотивы своих бывших учеников. Ункарх знал подлинную природу их связи — ту, что они прикрыли шумной легендой о «необычном инкубе», чтобы утихомирить пересуды. Он видел не просто несвойственную демонам привязанность и даже не любовь, а какое-то глубинное родство душ, двух гениев выживания, которые пляшут на лезвии правил, и восхищался их дерзостью.

Ненадолго погрузившись в размышления, он повернулся к ЕвВе.

— Тропа Испытаний сама по себе несложная. Я видел тебя в бою: с большей частью ты справишься в одиночку, у тебя были хорошие учителя, — в его взгляде промелькнули лукавые искры, и он снова стал серьёзным и тяжёлым. — Но...

никто не знает, что ждёт тебя в конце. Проводник тебе поможет и поддержит в пути, он будет с тобой до самого Сердца Скалариса, но в последней схватке, в твоём решающем бою — ты будешь одна.

Те, кто там погибли, уже никогда не расскажут, а те, кто вернулся, никогда не будут рассказывать, с чем им пришлось столкнуться. Всё просто: расскажешь — лишишься тут же бессмертия. Куда уж надёжнее.

Ты можешь победить, но даже победа — не гарантия обретения бессмертия, — в голосе Ункарха слышалась печаль.

ЕвВа нахмурилась: *Проводник? Вот ведь незадача, Каин ни за что не согласится* — с грустью подумала она, встретившись с его сердитым взглядом, — *он, итак, в ярости и судя по всему, готов меня, самое меньшее запереть в подвале, а лучше — придушить или открутить голову.*

Она вздохнула и с мольбой в голосе обратилась к нему:
— Каин, я смогу, вот увидишь! Ты ведь тоже когда-то решился и смог.

— Нет, не смог.

— Как это «нет»?!

Его ответы иногда ставили её в тупик, и она к этому никак не могла привыкнуть.

— Не ври, просто тебе не нравится, что я получу бессмертие раньше, чем получил ты, — выпалила она первое, что пришло в голову.

Он фыркнул: — Меня за ручку не вели, как некоторых...

— Почему ты меня не отпускаешь?!

— Потому что ты... — Каин запнулся, подбирая слова, которые прозвучали бы убедительнее, чем «я боюсь...», — моя ученица. И если ты там свернёшь себе шею, все скажут, что это я тебя плохо научил. Мне моё имя дорого.

— Но... — ответила она упрямо, — какая разница, если я останусь смертной, то всё равно когда-нибудь погибну...

— А я не говорю, что никогда не пробуй. Я говорю, что именно сейчас — ты не готова.

— А Ункарх считает, что готова.

Ункарх кашлянул, вежливо напоминая, что он всё ещё как бы тут. Они замолчали, одновременно скрестив руки на груди — два упрямства в чистом виде.

Верховный Демон положил руки им на плечи, разом ставя точку в их споре:

— Каин, я назначаю тебя Проводником ЕвВы.

Тот резко повернулся к Старейшему и уже собрался возражать, но промолчал, столкнувшись с его непреклонным взглядом. Демон одобрительно кивнул и продолжил:

— Ты прошёл этот Путь. И ты знаешь, что не прошел бы его, если бы твой Проводник не верил в тебя больше, чем ты сам. — Ункарх ненадолго замолчал, обратившись к вос-

поминаниям. — Я стоял у входа тогда. И я ждал. Так же, как ты будешь ждать теперь.

— Это жестоко. Заставлять меня прожить это с другой стороны. — В голосе Каина снова слышалось сдерживаемое рычание, и он отвел взгляд.

— Нет. Это — круг. Ты принял от меня эту боль и эту веру. Теперь твоя очередь отдать долг. Не ей. Себе. Тому молодому демону в тебе, который выжил ещё и потому, что кто-то ждал его снаружи. Согласись, одиночество в самый страшный миг — не та участь, которую бы ты пожелал ей или себе.

— Почему нельзя подождать хотя бы пару лет?

— Если память мне не изменяет, то это были мои слова, — Старейший тихо рассмеялся, — ты решил не быть оригинальным и просто повторить? И давай уж на чистоту, почему ты здесь? Ты ведь мог остаться дома... — Ункарх испытующе посмотрел ему в глаза и прищурился, — тебе не кажется, что ты сам себе противоречишь?

Каин закрыл глаза и тяжело вздохнул. Спорить было бесполезно. Звание Проводника было не просьбой, а приказом, отлитым в древнем законе Скалариса.

Путь к Сердцу оказался не эпическим походом, а долгим, тягостным молчанием вдвоём, где каждый их шаг отдавался в звенящей тишине, густой от его беспокойства и её упрямства. И только когда они вошли в туннель, и тот превратился в непрерывное сползание и перепрыгивание, и когда только

вдвоём можно было преодолеть бездонный пролом, они помирились.

Стены коридора, покрытые влажным блеском, неумолимо сжимались, пока ей не пришлось протискиваться в щель боком, чувствуя холод камня на щеке.

Если так пойдёт и дальше, я просто тут и застряну. Замечательная тропа, пока не похудеешь — тебе даже и не грозит дойти до конца. Интересно, Каин же должен был застрять ещё раньше, хм...

Но в этот момент стены коридора расступились, будто скала выдохнула, и она чуть было не вывалилась в огромную залу. Через пару мгновений следом выпрыгнул Каин — судя по всему, свободно и не напрягаясь пройдя остаток туннеля.

— В смысле? — ЕвВа заглянула ему за спину.

— Я просто подождал, пока ты пройдёшь. Это ведь твоё испытание, — он пожал плечами.

— Ладно... — ЕвВа ещё раз взглянула в коридор — широкий и сухой — и отмахнулась: — ... неважно.

Она осмотрелась. Теперь стало понятно, откуда шло это мягкое свечение. Одна из стен была будто соткана из плотного потока золотистого света. Он падал отвесно откуда-то сверху, а потолок терялся в непроглядной темноте, и невозможно было определить высоту залы.

ЕвВа медленно подошла и коснулась потока рукой, но не встретила ничего кроме пустоты. Каин схватил её за руку и оттянул от стены.

— Подожди... — его пальцы сжали её запястье чуть сильнее, она посмотрела ему в глаза. В них не было ни насмешки, ни гнева. — Я буду ждать. И ты вернёшься.

Она обняла его, прижавшись щекой к плечу, а он в ответ сжал её с такой силой, что ЕвВа не могла даже вздохнуть.

— Каин, ты меня задушишь, — еле выговорила она.

Он её отпустил, и ЕвВа шагнула в Свет.

Что-о-о? Но... — она ожидала пещеру, зал, провал, что угодно, что может логично или не очень оказаться глубоко под поверхностью, но не вершину мира с мерцающим алтарем в центре круглой площадки и не усеянный звёздами купол ночного неба.

ЕвВа обернулась. Светового потока больше не было, позади неё — глухая стена. Внутри что-то неприятно сжалось. Тишина, наступившая после исчезновения света, была оглушительной. Воздух стал густым и тяжёлым, словно сам Скаларис начал давить на неё. Приблизившись к массивному алтарю, ЕвВа замерла, прислушиваясь к собственному сердцебиению, и в этой гнетущей тишине осознала, что она здесь не одна. Её собственная тень, лежащая на камне, шевельнулась, потянулась в сторону и обрела форму — легкая, изящная, текучая. Она не нападала, а изучала её.

— Зачем ты пришла? — слышала ЕвВа голос, прозвучавший прямо в её сознании.

— Я пришла за своим бессмертием.

— Своим? — удивился голос и тихо рассмеялся. — Не вырвать бессмертие в бою у меня, а... просто взять с полки? Очаровательное создание.

Сущность рванула к ней сгустком тьмы, но ЕвВа была готова и отскочила. Ещё бросок — она еле удержалась на ногах, увернувшись в самый последний момент. Тень поднялась перед ней во весь рост и рассмеялась — тихим, шелестящим смехом, словно кто-то раскидал кучу сухих листьев.

— Я могу играть с тобой бесконечно, дитя, но ты, кажется, торопишься? Тебя ведь ждут... — Сущность кивком указала на стену, пропустившую её сюда. — Поэтому предлагаю сразу перейти к делу.

Она и моргнуть не успела, как Тень сжала её горло, оторвав от земли, и притянула к себе. ЕвВа инстинктивно ухватилась за удушающие пальцы, но только оцарапала свою кожу, пройдя сквозь них.

Сущность рассматривала её лицо, вглядываясь в глаза и вдыхая её запах, одновременно вытягивая её силы. Она пила её дыхание, не касаясь губ, и тут же вся её жизнь — самые яркие моменты, все её мысли — самые сокровенные — воплотились, окружив их хороводом образов. Сущность переключила внимание, сосредоточенно вглядываясь в ожившие картинки, рассматривая их с неподдельным интересом. Хватка стала сильнее, ЕвВа почувствовала, что задыхается, но тут её взгляд зацепился за алтарь, и она ощутила какое-то смутное притяжение. Мысль потянулась — не как усилие, а

как лента шёлка, скользящая через кольцо, — и она вдруг перенеслась по другую сторону. Теперь алтарь был между нею и Сущностью, и она свободно вздохнула.

В призрачном лике, прикованном к картинкам из её жизни, была такая жажда, такое неприкрытое удовольствие, что ЕвВа в моменте ощутила своё превосходство.

— Нравится? — с ядовитой сладостью в голосе прошептала она.

Тень вздрогнула и уставилась на свою руку, где безжизненно болталась тряпичная кукла. На мгновение в призрачном лике отразилось что-то, чего ЕвВа никак не ожидала — лёгкое офигевание вперемешку с азартом.

— Интересный ход, — протянула Сущность, и в голосе послышалось нечто новое: не только насмешка, но и признание. — Редкое умение. Жаль.

Образы исчезли, и Тень не спеша двинулась вокруг алтаря. ЕвВа следила за её движением, отступая и не давая приблизиться.

Но Тень, наклонив голову, словно оценивая её реакцию, остановилась и снова заговорила. В этот раз её голос звучал холодно и отстранённо.

— Ответь мне! Ты рвешься к бессмертию, но готова ли ты принять его цену? Взгляни!

Вокруг них вспыхнули новые образы — не её прошлое, а возможное будущее. Она, наблюдающая, как столетия стирают в пыль города, империи, как исчезают целые континен-

ты. Она, теряющая счёт восходам светил. Она, смотрящая на Каина глазами, для которых его страсть — лишь миг, яркая, но быстротечная вспышка в вечном потоке времени.

— Этот бурлящий поток жизни, что ты так ценишь, — он иссякнет. Останутся лишь тишина и пыль. Ты согласна на это? А ваша связь... это чудо, редкий симбиоз душ. Неужели ты готова превратить его в застывшую реликвию, в памятник самому себе?

Слова, как отравленные иглы, впивались в её сознание, и впервые за весь бой ЕвВа почувствовала не страх боли, а леденящий душу ужас Вечного Наблюдателя — того, кто обречён лишь смотреть, как мир стареет и умирает у него на глазах. Она всегда рвалась вперёд, не думая о последствиях. А теперь эти последствия смотрели на неё с холодной ясностью.

— Ответь, — настаивала Тень, и её голос стал оглушительно тихим. — Что в тебе такого, что оправдывает вечность? Жажда быть с ним? Эгоизм, прикрытый красивыми словами?

Сущность замолчала, давая ей проглотить яд сомнений.

— Давай заключим сделку? Ты отказываешься от этой связи, от этой любви — и я тут же дарю тебе бессмертие. Чистый, ясный путь. Без привязанностей. Без боли. Без этой... слабости.

ЕвВа застыла. Это прозвучало настолько дико и противосто-
естественно, что это сомнение было тут же сметено ярост-

ным, немым протестом всей её души. Она даже не успела подумать «нет». Её суть уже кричала его.

— О-о, — Тень сладострастно выдохнула. — Я вижу. Уже не согласна. Как трогательно. Любовь оказалась сильнее.

И в этот миг, когда её защита была сломлена не болью, а коварным сомнением, Сущность нанесла удар, внезапно материализовавшись прямо за спиной. И лишь потом, с опозданием в вечность, пришла ослепляющая вспышка боли, разорвавшая изнутри.

— Ты хотела меня победить, убить? Но это невозможно, дитя. Я — и есть Скаларис, — прошептала Тьма её же голосом.

ЕвВа рухнула, потеряв сознание, и где-то из-под ребра, мерзко всхлипнув, лопнул кровавый пузырь.

Когда она очнулась, Сущности рядом уже не было, и то ли тишина была звенящей, то ли действительно звенело в ушах, но она ощущала, что лежит в горячей луже собственной крови, медленно покидавшей её тело через рану где-то в боку.

Мысли, лихорадочно взметнувшиеся в порыве встать и бороться, вдруг стали тягучими, как расплавленный воск. Ни страха, ни сожаления — только странный покой. Она всматривалась в звёздное небо.

Вечность... Миры... И драконы, — ЕвВа выдохнула, — и этот алтарь... для чего он, взобраться на него? Да я даже шевельнуться не могу.

Каин... — она почему-то увидела не себя, а его, как если

бы они вдруг поменялись местами, и ощутила такую чёрную и холодную пустоту, что сердце её тоскливо сжалось, пронзённое осознанием той боли, что она ему причинит, — ... *я не знала, прости...* Слёзы жгучими дорожками скатились по вискам, просочившись сквозь волосы, и коснулись камня, тут же поглотившего их.

Звёзды, расплываясь и дрожа, безмолвно и равнодушно смотрели на неё. Сколько она уже всматривается в ночное небо? Час? Или всю вечность? Она почувствовала, как Каин поднял её на руки. Значит, всё кончено — стена открылась. Да и боль уже не разрывала сознание, тело онемело. А может, она уже умерла... или ещё нет?

— Каин, — прошептала она еле слышно.

— Молчи...

— Я проиграла... Прости...

— Нет...

У неё не было сил спорить, сознание растворялось, но так хорошо было ощущать его рядом. В последний миг она успела расслышать его тихий голос:

— Так и должно быть.

Он бережно положил её на алтарь, тут же окрасившейся кровью. Рядом возникла Сущность Скалариса, принявшая уже очертания Каина — его Тень.

— М-м, а теперь ты — Проводник? И как тебе? — в его голосе угадывалась насмешка.

— Отвратительно, — тихо ответил Каин.

— Хм-м, и только?

— Ты же знаешь, для чего эти вопросы?

— А мне нравится с тобой болтать, я скучал. Даже немного жалел, что не оставил тебя — себе. И вот награда: и ты здесь, и... она. — Сущность обошла вокруг алтаря, коснулась призрачным пальцем побелевших губ ЕвВы и провела по её лицу. — Она мне нравится. Дерзкая, сильная, прямо как ты, только гораздо обворожительнее... — Тень выжидающе замолчала, испытующе глядя на Каина.

— Я бы мог тебе предложить сделку, но не буду. Вы с ней такие... настоящие. Я тут кое-что увидел, пока она сопротивлялась.

— Ты и так «всё» видишь. Или ты думаешь, я не догадываюсь? К чему эти игры?

— Не будь занудой. Мало кто выдерживает вывернутую наизнанку суть. А она хорошо держалась. Я тебе даже позавидовал в какой-то момент, ненадолго... — Сущность ждала его реакции, впиваясь невидимым взглядом в самую душу.

— И что теперь? — голос Каина был абсолютно ровным.

— Ничего. Главное условие всё так же неизменно: тот, кто ищет бессмертия, сначала должен умереть. Ну а потом... — Сущность вздохнула и пожала плечами, — видно будет.

Он ощутил, как ледяные пальцы коснулись сердца и сжали его. Тень исчезла, оставив его одного в мёртвой тишине. Каин замер, сжимая её похолодевшую ладонь и слушая глухие удары собственного сердца.

Бесконечные секунды сложились в вечность. Тёмный вихрь поднялся и закружил вокруг них — сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, пока не превратился в сплошную стену. Каин не шелохнулся.

— Мне будет вас не хватать, — различил он голос Скалариса.

Безмолвие вдруг закончилось, и в её покой ворвался шёпот. *Знаешь, почему это был правильный ответ?* — она снова слышала этот шелест, внезапно ставший хором голосов, среди которых был и Каин, и Ункарх, и множества других, которых она не узнала.

— *Без любви Вечность не имеет смысла.*

Её подхватил ураган и тут же обрушился на неё всей своей мощью вдавливая грудную клетку. ЕвВа судорожно вздохнула и открыла глаза.

Он обнял её, с силой прижав к себе и тут же отстранился, пальцем указывая на неё, почти касаясь кончика носа:

— Я... тебя — убью!

ЕвВа от неожиданности заморгала, и выдохнула, смиренно улыбувшись.

— Боюсь, у тебя ничего теперь не выйдет.

— А я попробую.

— Ка-а-ин, я...

— И вообще, ты мне теперь должна.

— О-ох, — она тихо рассмеялась, — я так понимаю, что должна я тебе буду всю оставшуюся жизнь, то есть — вечно.

— Правильно понимаешь, — он стащил её с алтаря и поставил на ноги, — ещё и постараться придётся.

— Каин!!

Они стояли на краю над туманной бездной. Она обернулась, окинув взглядом глухую стену скалы — она опять закрылась, потом заглянула за край.

— А... выход, будет?

— Только этот — он показал в пропасть у их ног, — прыгать.

— Но я не могу раскрыть крылья.

— Да, это пока, ниже — сможешь. Веришь?

— Да-а...?

Он держал её за руку.

— Тогда прыгаем.

Огромная фигура, сотканная из обрывков тумана, тьмы,

вспышек света и искр магии, следила за их свободным падением, скрестив руки на груди. Она не была похожа ни на Каина, ни на ЕвВу, ни на кого бы то ни было из обитателей Скалариса. Увидев, как они синхронно расправили крылья, на мгновение зависнув в воздухе, Сущность с сожалением вздохнула и направилась к алтарю.

— Так, и на чем мы там остановились? — низким, густым голосом произнёс Он вслух. Сущность Скалариса всё-таки была — Он. И Он накидал на алтарь мягких подушек, уютно устроившись между ними, и жестом запустил вытряхнутое из ЕвВы кино её жизни.

Эпилог

— Ты... не ревнуешь?

— Нет, ты — не моя собственность и.. я тебя уже однажды потерял, больше у тебя этого не получится.

Дракон-хранитель или как я рисовала Зориэля

Способность ЕвВы перепрыгивать с одной темы на другую просто фантастическая или, наверное, правильнее будет — демоническая. Начиная отвечать на мои вопросы о ней самой, она уже через пару предложений рассказывала о ком угодно, только не о себе, уводя меня в такие дебри, что я только и успевала записывать имена да хоть какие-то внешние признаки её друзей.

Мне пришлось запастись терпением, чтобы по крупицам собрать её собственную историю из обрывков и мимоходом оброненных фраз. А пока она с удовольствием поведала мне о Зориэле — древнем драконе.

Одна из его особенностей — это умение принимать человеческий облик. И этот облик, судя по всему, пришёлся ЕвВе по вкусу куда больше, чем истинный, драконий. Её голос наполнялся томными нотками, а в глазах зажигались игривые искорки.

Я изо всех сил старалась запечатлеть образ, но задача оказалась не из лёгких. ЕвВа то и дело отвлекалась. К тому моменту, как в моей голове сложилось хоть какое-то представление о Зориэле, она уже лопалась от обилия впечатлений.

В итоге вместо пары набросков у меня получилось целых

пять разных эскизов, а наш разговор сводился к бесконечным уточнениям:

— Длинные белые волосы... нет, не настолько длинные... а это уже как у Велегора.

— У кого?

— Велегор — магическая сущность вашего мира, Хранитель леса. Вы его ещё Лешим называете. Кстати, его истинный облик видит только Зориэль.

— ...

— Ладно, вернёмся к Зориэлю...

Приблизительно так это и выглядело.

— Вот, здесь он получился лучше всего. Доводи до ума. — Она протянула мне рисунок, и в её глазах вспыхнул знакомый огонёк азарта. — Умираю от нетерпения посмотреть, каким он у тебя выйдет. Так что давай, не тяни кота за хвост! В конце концов, ты рисуешь с моих слов, а значит, я должна быть отличной рассказчицей, а ты — слушателем с безграничной фантазией. Но хвалить всё равно обязана меня.

— Ах ты маленькая...

— Да-да, знаю, — она махнула рукой, — начинай уже, а то больше ничего не буду рассказывать.

— Ой, вряд ли. Кое-кто просто лопнет, если не сможет трещать о своих Вечных.

ЕвВа скорчила смешную гримасу, высунула язык и надула щёки. С её рожками это смотрелось особенно умильно — ну прямо чертёнок-болтушка.

— Ладно, давай. Попробую дорисовать нашего древнего дракона... О-ох... — Кажется, я сама почувствовала тяжесть его веков.

— М-м-м, он не просто древний, — в глубине её зрачков вспыхнул тёмно-алый отблеск, а голос стал бархатистым и обволакивающим. Я тут же приготовилась слушать — сейчас будет что-то интересное. — Зориэль — хранитель этого мира. Он здесь с самого его рождения, с тех пор как ваша планета была лишь раскалённым шаром в пустоте.

Поначалу он активно участвовал в создании всего вокруг, а когда появились люди, стал жить среди них — мудрый странник с глазами, полными вековых тайн. Люди были ему интересны... по крайней мере, первые пару тысяч лет. Он до сих пор помнит первые города и иногда шепчет их забытые имена на языке пламени.

А потом... он как будто отстранился и теперь гораздо реже покидает свою обитель.

— А где его обитель? — тихо поинтересовалась я.

ЕвВа улыбнулась и мечтательно прикрыла глаза, словно вглядываясь в воспоминание.

— Есть в сердце сибирской тайги озеро, точь-в-точь как сердце. Вода в нём такая прозрачная, что в лунные ночи кажется, будто смотришь в тёмное зеркало вселенной, усыпанное звёздами. А вокруг — деревья-великаны, что видели, как мир был молод. От самой кромки воды золотистой змейкой убегает тропинка, поросшая мхом, который мягко пружит.

жинит под ногой. Она ведёт к скале, такой старой, что её камень помнит первый ветер. Это и есть его обитель, где двери открываются только для своих.

— Только для своих? Получается, люди не смогут туда попасть? Никогда и ни при каких условиях? — с нескрываемым сожалением спросила я.

ЕвВа кивнула:

— И даже найти это место не смогут. Поэтому я тебе о нём и рассказываю. Иначе меня бы уже вызвал к себе Зориэль... — Суккуба закатила глаза и монотонно продекламировала: — ...чтобы прочитать длинную и нудную лекцию о правилах поведения в чужом мире.

А потом рассмеялась:

— Не подумай, он классный! Просто его занудство... — она вздохнула, зажмурившись на мгновение, и тихо продолжила. — Я тебе ещё не рассказывала, но у большинства Миров, и у вашего в том числе, есть железобетонное правило — вмешиваться в ход событий запрещено! Тех, кому мы можем помочь или кого надо наказать, Мир приводит к нам сам! Наша инициатива здесь равна нулю, только так и никак иначе.

— А как вы узнаете... — начала я, но ЕвВа, как обычно, тут же перебила.

— Я тебе потом расскажу, сейчас речь не об этом. Мир может один раз простить Вечного-Путешественника, но второго шанса уже не будет, никогда. Повторное нарушение и

ты Зритель... на веки вечные.

— Хм, ну это, наверное, правильно? Иначе вы бы со своими способностями тут такого натворили...

— Да, с этим никто не спорит... но, бывает, иногда... В общем, я свой один шанс уже использовала, — ЕвВа улыбнулась, но её глаза потемнели, и она добавила совсем тихо. — Зор не всем читает нотации и пытается предостеречь, а только тем, кто ему дорог.

Повисла пауза, а я пыталась представить огромного дракона, переживающего за своих друзей — Вечных Путешественников.

— То есть у тебя с ним очень... тёплые отношения? — спросила я, поддавшись очарованию собственной фантазии.

— Да, — она пожала плечами и как будто даже удивилась. — А почему нет? Среди Вечных это не редкость — быть в близких отношениях с более могущественными существами. Они хоть и очень древние, но не замшелые же истуканы. И у Зориэля, как и у всех живых существ во вселенной, есть эмоции, чувства. Да, тысячелетия, конечно же, оставили свой отпечаток на его сущности, но ему совершенно не чужды симпатия, дружба и даже любовь. А сам он утверждает, что, как только меня увидел, то почувствовал — тишина в его обители пришёл конец. И драконья интуиция его не подвела. — ЕвВа загадочно улыбнулась, многозначительно посмотрев мне в глаза.

— К-хм... Что? — фыркнула я, внезапно догадавшись, что

значат её взгляды и томные интонации в голосе. — Ты что, соблазнила самого Зориэля?

— И почему сразу «соблазнила»? — надула губы ЕвВа. — Он всегда стремился к знаниям, но его человеческая форма... хм, как бы тебе объяснить, была не до конца им понятна. Принять-то он её принял, и даже выбрал прекрасный вариант, только вот инструкции с перечнем всех функций и возможностей не нашлось. Познание природы чувственного долгое время было для него чем-то вроде самоубийства. Но, мне удалось его переубедить... — она лукаво улыбнулась, — и знаешь, он с первого раза всё схватил.

И мне показалось, я просто вскрыла шлюз, за которым он веками держал целое море... а потом едва успела отпрыгнуть.

— М-м, расскажешь? — мурлыкнула я, подражая суккубе.

ЕвВа поняла, что я её копирую, и состроила недовольно-возмущённую рожицу. Для полного образа не хватало упереть руки в боки, но вместо этого она рассмеялась и дёрнула меня за прядь волос.

— В другой раз, искорка. — ЕвВа забралась в кресло и взяла какую-то книжку со стола.

— А теперь, рисуй! — невозмутимо выдала она, тут же погружившись в чтение.

ЕвВа такая ЕвВа, — подумала я и, уже зная, что теперь из неё ничего не вытянуть, вернулась к рисунку.

Вкус урагана

ЕвВа сидела на краю крыши пристанища Хранителя, болтая ногами в воздухе и подставив лицо утреннему солнцу. Домик стоял в отдалении от большой деревни, одной стороной упираясь в стену хвойного леса, а другой выходя к обрыву над широкой, полноводной рекой.

Здесь, в роли простого рыбака, Зориэль с интересом наблюдал за людьми, изучая их страсти, мысли и надежды.

Высокий, статный, с телом воина, скрытым под простой одеждой. На вид ему можно было дать лет тридцать пять. Длинные волосы, отливая ледяной белизной, спадали на плечи, частично собранные на затылке в небрежную косу, а в глазах цвета ночного неба, усыпанного звёздами, иногда виднелись вертикальные зрачки Дракона. Лёгкая щетина завершала образ, придавая его и без того выразительной внешности слегка диковатую притягательность, и заставляя её внутреннюю хищницу томно вздыхать.

Их познакомил Каин. Зориэль принял ЕвВу без лишних церемоний — он всегда был открыт для тех, кто приходил с искренним интересом. Помогал, когда просили, но никогда не навязывался со своим мнением, позволяя каждому прийти до истины своим путём.

Она частенько провожала его задумчивым взглядом — с ним всё обстояло не так-то просто. Глубинное уважение к

Дракону и зародившаяся нежность к человеку сплетались в сложный узел, который ЕвВа могла бы развязать одним касанием — но вместо этого чутко ждала.

И, совершенно ожидаемо, что к нему периодически под разными предлогами наведывались представительницы прекрасного пола, обитавшие в деревне. Именно за таким визитом и наблюдала ЕвВа, сидя на крыше. Девушка из деревни, кокетничая и строя глазки, пыталась привлечь его внимание. Зориэль хмурился, мастерски делая вид, что не замечает намёков, а когда она попыталась его коснуться — вежливо, но твёрдо выпроводил со двора.

— Ну и какой толк от твоей человеческой формы? — ЕвВа бесшумно спрыгнула на землю и кивнула вслед удаляющейся опечаленной красавицы. — Обидел девушку.

Он и так чувствовал её присутствие во время разговора с местной, а потому и не удивился, когда она спустилась поболтать.

— Я не могу ей дать то, чего она хочет. — Зориэль ухмыльнулся и, усевшись на деревянный сруб, вернулся к рыболовной сети.

— Почему? У тебя обет целомудрия? Или тебе не нравятся все эти ваши «плотские утехы»? — съехидничала она.

Зориэль вздохнул так, будто разговаривал с маленьким ребёнком, и, продолжая возиться с сетью, снисходительно посмотрел на ЕвВу:

— Потому что она влюбится.

— Хм, — суккуба пожала плечами, — ну тогда скажи ей прямо, что продолжения не будет, потому что ты... ну не знаю ...колдун.

— Гениально, давай её ещё и напугаем.

— Ладно, не колдун. Скажи, что у тебя есть пять жён и два десятка детей.

Зориэль фыркнул:

— А потом придёт её отец и потребует жениться на ней?

— И что? Ну и женись, заодно хлебнёшь... к-хм... как его там... — хихикнула ЕвВа, но тут же изобразила серьёзность, увидев недовольное выражение лица Хранителя. — Прочувствуешь! Точно, прочувствуешь семейное счастье, так сказать, на собственной шкуре... нет, коже... ну ты понял.

Зориэль выдохнул, в немом вопросе подняв глаза к небу.

— Да? Всего-то? А если я не хочу? — ирония в его голосе перешла в недоумение. — И вообще, вот прицепилась, тебе-то что?

— Как это ты — не хочешь? Ты же их изучаешь: «почему — это», «почему — то», так же? Ну и я просто не понимаю, почему ты отказываешься от того, что само идёт в руки, да ещё и такого качества! — ЕвВа жестом изобразила красоту лица и обрисовала фигуру только что отвергнутой девушки.

— Я тебе уже ответил — почему.

— Какой-то непонятный и, как мне кажется, слишком хитрый или слишком наивный ответ, — не унималась она.

— ЕвВа, просто люди немного не такие, как вы — демоны.

Есть, конечно, всякие, но по большей части всё-таки другие.

Она на какое-то время погрузилась в размышления, обратившись к своему демоническому чутью.

— Зор, — ЕвВа внезапно сощурилась и уселась рядом на корточки, сложив руки на его колене. — Ты что, никогда не пробовал...?

Хранитель усмехнулся, но почему-то это его задело, и он с вызовом посмотрел ей в глаза.

— В человеческой форме — нет.

ЕвВа расхохоталась.

— Так вот в чём дело! Теперь всё встало на свои места! А я-то думаю, что за неоправданное, возвышенно-одухотворённое отношение к своим подопечным.

— Ого, это так выглядит со стороны? Почему ты думаешь, что такое отношение — неоправданно? — попытался он перевести тему разговора.

— Сколько веков ты уже живёшь среди них? — ЕвВа спрятала усмешку. — Ты хочешь сказать, что пытаешься понять людей, не прочувствовав их базового инстинкта?! У тебя ничего не получится.

— Почему это? Я видел, к чему приводит потакание похоти: как империи обращались в прах из-за одной страсти, как мудрецы теряли разум в пламени вожделения. Это вкус пепла, который я помню веками... И, между прочим, есть люди, которые также осознанно избегают страсти, считая её болезнью тела. И ничего, хорошо живут. Почему я не могу

также?

— Это ты у греков с римлянами насмотрелся?

— Откуда ты знаешь? Тебя же здесь ещё не было?

— Умею вызывать видения прошлого, — ответила она как о чём-то обыденном и несущественном, и тут же, фыркнув, добавила: — Да и читать, вообще-то, тоже обучена.

— Зор, но ты же видел к чему ведёт отсутствие контроля. Ты наблюдал разложение и деградацию. И ты, испугавшись этого, выбросил ребёнка вместе с водой — решил, что любая страсть ведёт к хаосу. — Покачала головой ЕвВа.

— А это, между прочим, уже личное оскорбление, — она демонстративно поправила локоны, изображая возмущение. — Так что нет, это не так.

— Но ты же не будешь спорить, что страсть равно уязвимость и слабость? — не сдавался Зориэль.

ЕвВа вздохнула, став внезапно непривычно серьёзной, но этот её вид вызвал у него лишь умиление.

— Ты, Древний Дракон, позволил нескольким шумным крайностям — оргиям одних и аскезе других — определить для тебя всю палитру человеческих чувств. Ты поверил либо греху, либо умерщвлению плоти и пропустил саму жизнь, которая находится посередине. Ты изучаешь учебники о яде и противоядии, но никогда не пробовал хлеба. Ты как учёный, который в деталях знает жизнь галактик, но не может разжечь костёр.

Она в одно мгновение приблизилась к его лицу. Её губы

оказались на расстояние вдоха, и... тонкие ноздри затрепетали. ЕвВа втянула его запах и тут же отстранилась.

— И вот, что это сейчас было? — проворчал Зор. Ему не понравилось собственное разочарование. Совсем не понравилось.

— Ты даже не пахнешь человеком. Вернее, только наполовину. От тебя пахнет... — ЕвВа прикрыла глаза, пытаясь подобрать слова. В её тихом голосе зазвучала безмятежность: — головокружительным полётом... и звёздами, вечностью... тишиной... — она замолчала и вдруг возмутилась: — но не человеком, с его стандартным набором феромонов!

Зориэль мотнул головой. *Наваждение.*

ЕвВа коварно улыбнулась и провела коготками по открытой части его руки. Он проследил взглядом за её движением. Удивительно, но, острые на вид, они не причиняли боль, это даже было приятно.

— Зор, да ты вообще выбрал не ту форму, чтобы строить из себя мудреца.

— В плане? Чем тебе моя форма уже не угодила?

— Ты в зеркало себя видел? Ты же ... — ЕвВа сделала паузу: — ...соблазнительный.

Её голос теперь играл низкими мурчащими оттенками:

— На тебя женщины, в первую очередь смотрят как на мужчину... любовника, а ещё лучше – мужа. Ты теперь — участник, а не наблюдатель. С чем тебя и поздравляю.

— К-хм, но это единственная форма, которая не «распол-

залась», когда я пытался себя в неё втиснуть...и мне в ней комфортно.

ЕвВа недоверчиво сощурилась.

Зориэль принял недовольный вид и добавил как можно увереннее:

— Ну и этот вариант мне понравился больше всех. Он соответствует моему внутреннему ощущению себя.

— Угу, — хмыкнула суккуба.

— Что? Устроила мне тут допрос с пристрастием, — Зориэль всё ещё старательно хмурился. — Я не специально, так получилось!

ЕвВа рассмеялась тихим переливчатым смехом.

— Ой ли... Но ты уже сказал всё, что я хотела услышать, — снова промурлыкала она, похлопав его по руке, и поднялась.

— И что же ты такого слышала? — не давая ей уйти, Зориэль не уступал. Он тоже поднялся и теперь смотрел на неё сверху вниз. ЕвВа была ниже его почти на голову. Что-то внутри вызывало беспокойство, тревожило и одновременно распаляло желание продолжать этот разговор. Её ладонь коснулась его груди, и коготок начал вырисовывать узор поверх ткани.

— Удобно быть святым, не погружаясь в суету Мира, — игриво растягивая слова, ответила ЕвВа. Она слышала его внутреннее смятение и аккуратно направляла эту энергию в нужное русло. — Это же просто люди, смертные, хрупкие

оболочки. Ты знаешь о них всё, но знать — не значит чувствовать, да, Зор? Ты выбрал форму, сразу став объектом желания, но оказался не готов окунуться в ощущения. Я права?

Зориэль слушал её голос, но смысл слов ускользал — всё его внимание сосредоточилось на кончике её коготка, скользящем по его груди. Она стояла так близко, что он чувствовал едва уловимый аромат сладковатой дымки, исходящий от неё.

— Твои оправдания, — тихо продолжила она, — попытки защитить их чувства, уберечь от привязанности... Ты действительно защищаешь их... Или всё-таки себя? Могущественный, мудрый, древний, ты понятия не имеешь, чем обернутся для тебя чувства, и твой выбор именно такого человеческого облика говорит о желании узнать. Только сколько тебе ещё нужно времени, чтобы решиться на этот шаг?

— Если бы я не видел перед собой тебя, то подумал бы, что разговариваю с Каином, — он усмехнулся, но в голосе слышалось не столько раздражение, сколько невольное признание.

ЕвВа с притворным возмущением фыркнула, хотя такое сравнение ей откровенно польстило.

— Каин бы тебя раскусил ещё быстрее.

— Он в курсе.

— Что-о-о?! И никак тебя не переубедил? И что, даже не пытался?

Зор задумчиво посмотрел в сторону, как будто вспоминая

что-то.

— Он предложил взглянуть на это с другой стороны и не торопить события.

ЕвВа, удивлённо приподняв бровь, мысленно усмехнулась: *Ну само собой, дать время созреть, когда всё время – твоё.*

— Это необычно, — продолжил Зориэль, глядя ей в глаза, удивляясь их изменчивой глубине, и улыбнулся. — Демоны известны своей импульсивностью и смертельной взрывоопасностью. Бурление эмоций и хаос как следствие. Но вы то откуда такие взялись?

— Да, Зор, всё правильно, демоны такие и есть. Они не как люди, они — другие. Есть, конечно, всякие, как я и Каин, но по большей части... именно... такие, — ЕвВа с насмешливым вызовом, нарочито медленно закончила фразу, переделав его же слова о людях.

Зориэль хмыкнул.

— А ещё нас не так-то просто сбить с толку, увиливая от вопросов, — добавила она, проникнув пальцами под шнуровку рубахи. ЕвВа нежно провела по коже его груди сначала подушечками пальцев, а потом и коготками. В этот же момент её вторая рука не спеша спустилась по ткани с груди на живот и легла на пояс.

Зориэль замер. Её жест отозвался в теле требовательным напряжением, и он поймал себя на том, что перестал дышать.

— Я оставлю тебя подумать до вечера, — выдернув его из

созерцания, негромко произнесла ЕвВа. В следующее мгновение за её спиной раскрылись бархатные крылья и, бесшумно взмахнув ими, она растворилась в воздухе, оставив аромат озона и той самой сладковатой дымки. Зор недовольно выдохнул, но этого уже некому было увидеть.

Никогда день Хранителя не был таким длинным и нудным. Он хмурился и ворчал, бормотал себе что-то под нос и с кем-то спорил. И, как на зло, именно сегодня никто из деревенских не пришёл отвлекать его разговорами — как будто ЕвВа и там хаос устроила. После полудня Хранитель с силой отшвырнул рыболовную сеть, в которой безнадёжно увязли его пальцы и мысли. Запутанный комок снасти злобно шлёпнулся о землю. *Проклятье!* — прошипел Зор, хотя сеть была ни при чём.

Он выдохнул, стараясь успокоиться, и вспомнил, что можно просто заварить чай. Но заварка решила, что рядом с чашкой рассыпаться гораздо интереснее, чем смиренно лежать в.., а кипяток попросился на ручки. *Да чтоб вас! Хватит. Где там умиротворяющее воздействие воды, я иду к тебе!*

Вода текла плавно и равнодушно, а ему померещилось, что по его коже скользят чьи-то пальцы. Он резко отпрянул от берега. Даже шелест листьев берёзы был похож на шёпот её имени. *Сговорились,* — мрачно подумал он, озирая пустынный берег. — *Весь мир сговорился сегодня быть её сообщником.*

Зориэль сердился. Прикосновения ЕвВы вцепились в него мертвой хваткой. В какой-то момент он даже было решил выйти из человеческого облика и сбросить с себя память тела, но внезапно родившиеся мысли остановила его порыв:

Новый опыт...— сухо констатировал внутренний голос, привыкший к классификациям. — *Открытие возможностей...*

Хранитель согласно кивнул.

Прижаться губами к её коже,— тут же нашептывал какой-то другой голос, наглый и дерзкий. — *Дрожь в её дыхании, когда...*

Зор выдохнул, уголок его губ пополз вверх, а бровь изогнулась в немом вопросе.

Прекрати!— рявкнул первый. — *Это уязвимость! Слабость!*

Согласен!— поддакнул Зориэль, нахмурившись и приняв суровый вид.

Но какая... живая...— успел выдохнуть второй, прежде чем его охватило смущение и желание.

Ты всегда наблюдал за течением реки с берега. Но сегодня сама река позвала тебя окунуться. Наблюдать за течением — не значит знать воду. Знать воду — значит чувствовать её кожей.

Первый голос молчал, а ожидание неизвестного сводило с ума.

Она явилась, как только солнце коснулось горизонта. Ей не нужно было стучать — он ощутил её присутствие и открыл дверь. Стоя к нему спиной, в багряных лучах, что пробивались сквозь сосны, она повернулась, будто ответив на безмолвный зов.

— Расцениваю это как согласие, — в игривом тоне в её голоса слышалось что-то ещё, манящее, не её магия, а его собственный отклик. Зор прислушался.

В таком образе он её ещё не видел. Роскошная грива волос была собрана в сложную причёску, открывавшую изящную линию шеи и обнажённые плечи. Тёмно-бордовый бархатный корсет соблазнительно подчёркивал грудь, а чёрная шёлковая юбка тяжёлыми складками спадала до самого пола. Она шагнула через порог. В разрезе юбки полностью обнажилась нога.

— Я и не знал, что ожидание может быть так щедро вознаграждено. Это... опасная степень искушения, — он смотрел с восхищением, понимая, что сопротивление бесполезно.

В уголках её губ дрогнула усмешка, и она зашла внутрь. Он закрыл дверь и приблизился к ней. Любопытство смешалось с острым, почти чужим чувством возбуждения.

— Покажешь, где обитает сама наивность? — она снисходительно улыбнулась, словно прочитав его замешательство. Он ухмыльнулся и, не сказав ни слова, взял её за руку и повёл за собой — глубже в жилище, в свою спальню. Дверь бесшумно закрылась, и мир снаружи перестал существовать.

Зор склонился к ней, обняв её лицо ладонями, и в первый миг его поразила сама текстура ощущений: непривычная влажность, живое тепло и странный, пьянящий вкус. Конечно, он видел, как целуются люди, но теперь... *За один только её поцелуй можно развязать войну,* — вспыхнуло в его сознании.

Его губы оторвались от её губ, ладони скользнули на шею, и он замер, обратившись в чувства на кончиках пальцев: гладкая кожа... упругий толчок пульса... твёрдая ключица... мягкая упругость груди... и негибкая граница корсета...

Ты специально надела доспехи?

Его руки обогнали мысль. Зор нашёл на её талии концы шнуровки и потянул за ленты. Пластины глухо вздохнули, и ЕвВа, коварно улыбнувшись, повернулась к нему спиной.

И тут в нём проснулось знание — то самое, что позволяло ему с закрытыми глазами распутывать самые безнадежные рыболовные сети. Только сейчас, окрашенное напряжением человеческого тела, оно вызывало не практический интерес, а лихорадочное волнение. Он распускал шнуровку медленно, почти ритуально, и с каждым ослабленным узлом его охватывало странное чувство. Он, древний дракон, для которого соитие было редкой и прозаической необходимостью, с внезапной, ослепляющей ясностью позавидовал людям. Вселенной удалось вложить в эти хрупкие оболочки такую концентрацию страсти, такой взрывной коктейль из плоти, нервов и ощущений, перед которым его собственная, величе-

ственная природа казалась... пресной.

Это и есть твоя хваленая гармония? Вечный баланс, где самое примитивное оказывается самым изощрённым?

Освободив её из жёсткого каркаса, он, поддавшись желанию, приник губами к её шее, ощущая, как она выгибается под его прикосновением. Его ладони скользнули вперёд, в порыве насытиться теплотой её обнажённой груди. Нежная, бархатная кожа так контрастировала с его собственной, гораздо более плотной и упругой.

ЕвВа развернулась к нему и стащила рубашу. Она прикрыла глаза, спускаясь коготками по его коже, оставляя щекощущий намёк и подставляя то губы, то шею его всё более требовательным поцелуям, позволяя его рукам с нарастающим нетерпением скользить по её телу. Он нашёл застёжку, и юбка тяжело упала к их ногам. В этот момент её коготки царапнули по коже внизу живота. В стремлении окончательно избавить его от одежды, пальцы нырнули за пояс и распустили завязки. Он вздрогнул, резко выдохнув, и инстинктивно прижал её за бёдра к себе.

Но она лишь выгнулась, высвобождаясь, и отступила к кровати, увлекая его за собой одним лишь многообещающим взглядом. Едва оказавшись на мягкой поверхности, она скользнула вниманием по его телу, и одна бровь удивлённо поползла вверх.

— Зор... — выдохнула ЕвВа, когда он, подчиняясь её безмолвному зову, навис над ней. Она прикусила нижнюю губу,

а потом тихо рассмеялась, её взгляд опустился вниз. — Это что, попытка сохранить фамильное сходство... в уменьшенном, так сказать, варианте?

Зориэль фыркнул, его тёплое дыхание коснулся её кожи. — А ты разве знаешь, как выглядит оригинал?

— Я — демон, Зор, — её голос стал сладким и тягучим, словно мёд. Она обхватила его член ладонью, слегка сжав. — Я чувствую суть вещей. И твоя... суть... очень нескромно заявляет о себе.

Исчезло всё — и комната, и его тысячелетия мудрости. Осталось только это: дикий восторг, пронзивший его насквозь вместе с безотчётным страхом мгновенной уязвимости. И парадоксально — абсолютное доверие к той, что держит источник этого удовольствия и ужаса в своей руке.

Он прерывисто выдохнул, заглянув в её глаза, и ощутил, как его сущность, все безжизненные, сухие знания наполняются плотью и кровью. Он прижал её к кровати тяжестью своего торса, чувствуя, как пальцы сжимаются сильнее, и это живое кольцо сводило с ума — он уже не контролировал ничего.

— Чувствуешь? — шёпот вернул его к ней. — Это твоё тело говорит с тобой.

Вместо ответа он жадно впился в её губы. Он уже знал чего хочет, спустился к шее, к ключице и, прикинув губами к соску, заставил её вздрогнуть. ЕвВа прижала его голову к себе.

— А это... — её собственный голос сорвался на прерывистый шёпот, когда мгновением позже его волосы коснулись её живота, — это уже говорит моё.

Его пальцы впились в её бёдра, притягивая ближе. *Всё правильно.*

Нежно направляя, она позволила ему окунуться в её страсть. А когда он вошёл в неё, влажная, тесная глубина, принявшая его, оказалась не концом пути, а ошеломляющей в своей естественной простоте окончательной сборкой пазла, которую его плоть ждала с самого начала.

Его тело само подсказывало ритм, откликаясь на её движения и трепет, и он уже не думал — только чувствовал. Оно требовало большего, с жадой прижимаясь к ней всей кожей, погружаясь глубже, сильнее, пока ураган ощущений не достиг своего пика и его тело не взорвалось изнутри на несколько вечных секунд, полностью растворив его сознание в одном лишь чувстве абсолютного, животного освобождения.

Потом он ещё долго лежал, прижимая её к себе и прислушиваясь к отступающему шторму в собственной крови, к стуку своего сердца, которое, казалось, только сейчас начало биться по-настоящему. Она поила его ощущениями, как из чаши, не опустошая, а наполняя до краёв.

Его мир, некогда незыблемый, треснул, и сквозь трещину хлынул не хаос, а новый, невероятно яркий свет. И источником его была она, безмятежно спящая в его объятиях. Его

кожа, его мускулы, всё его тело помнило каждое её движение, и эта память была дороже любого сна.

Следующее, что он почувствовал, — это утренний свет на его веках и её тепло. Он так и не выпустил её из объятий пока спал.

Зор осторожно, чтобы не разбудить, зарылся лицом в её волосы, вдохнув её аромат. Перед ним проплыл образ их первой встречи в этом мире — и того тревожного предчувствия, что на одно краткое мгновение охватило его тогда. Суккуба, Вечная — редкое явление. Все они непостижимо красивы, но в ЕвВе было иное — нечто, шедшее вразрез с самой их природой. И он только что получил этому подтверждение. С первых дней их знакомства он наблюдал за ней, всё больше проникаясь симпатией к этой своенравной и бесконечно обаятельной чертовке.

Его мысли прервались, когда ЕвВа с наслаждением потянулась и перевернулась на спину, с видом нежащейся на солнце кошки.

Он не удержался и снова потянулся к ней, будто боялся, что магия рассеется. Его пальцы, помня каждую линию её тела, снова скользнули по тёплой коже — от упругих сосков вниз, к самой нежной, сонной теплоте между ног, и снова вверх, к шее, где стучал пульс.

— ЕвВа... — его губы коснулись её плеча. — Ты дала мне эталон. Зачем мне теперь довольствоваться бледными копиями?

— Чтобы познать истинную цену оригинала, — тихо промурчала она.

— А если я не коллекционер, а ценитель? — возразил он.

— Ценитель изучает всё собрание, — она повернула голову и обольстительно улыбнулась, — а не застывает перед одним шедевром.

— А я вот считаю... — он упрямо нахмурился, но тут со двора донёсся женский голос, звавший его.

Зориэль замер, на мгновение ему показалось, что голос слышится из другого измерения. Но нет! Они же всё также ещё в деревне. *Дожили. Забыл...*

Реальность медленно и неумолимо вернулась.

Из груди Зориэля вырвалось низкое, похожее на рык, ворчание.

— О нет, ещё одна. — Зор обречённо вздохнул. Ему совершенно не хотелось сейчас общаться с деревенскими. Он на мгновение закрыл глаза, просчитывая различные варианты вежливого отваживания, и тут его осенила идея, настолько дурацкая, что он удивился сам себе.

— ЕвВа, а притворись моей женой!

Она фыркнула:

— Смеешься?! Может, мне тебе ещё и детей пару штук наколдовать?

— Было б неплохо! — он рассмеялся, видя, как она возмущается, но уловив нотки азарта в её голосе.

ЕвВа резко села в кровати.

— С ума сошел?! А куда ты их потом денешь? В смысле, как будешь объяснять, куда они исчезли?

И тут же ехидно добавила:

— И жена, кстати, тоже.

— Леший забрал? — выдал Зор, первое, что пришло в голову и, покосившись на обнажённую ЕвВу, мысленно добавил: *Велегор был бы счастлив, наверное... Но лучше не надо. Всё забросит, и мы останемся без леса... и вымрем как мамонты.*

ЕвВа со звонким шлепком закрыла лицо руками и плюхнулась на кровать.

— Сам же плодишь суеверия, а потом удивляешься: «Почему они в них верят, если всё так очевидно?»

— Ну хорошо, убедила, давай без детей, — его откровенно забавляла эта идея «супругов» и, в кои-то веки, вникать в её разумность особо не хотелось.

— Зор, не издевайся, я не умею вести себя как жена! Мы спалим на первом же слове! Давай притворимся, что тебя нет дома!

Но тут раздался настойчивый стук в дверь. Зориэль вздохнул, бросил умоляющий взгляд на ЕвВу и поднялся с кровати.

— А открой ей в таком виде! — она еле сдерживалась, чтоб не расхохотаться.

— А-ха-ха, — по слогам произнес он, натягивая штаны и направляясь открывать, — о последствиях подумала?

— О последствиях он думает... — ворчала она, поднимаясь с кровати. — Сейчас я тебе устрою последствия. Хоть бы жилетку какую накинул, пошёл щеголять голым торсом! Ну-ну, ещё и умничает! О-о-х, мужчины...

Зориэль рассеянно слушал щебетание девушки, когда она вдруг замерла, уставившись в немом изумлении куда-то ему за спину. Он обернулся, кашлянул от неожиданности, и на мгновение зажмурился — с загадочной полуулыбкой, из глубины комнаты появилась ЕвВа с его рубахой в руке. Тёмный водопад распущенных волос прикрывал её обнажённые плечи тёплого бронзового оттенка уроженки южных земель.

Юбка цвета топлёного молока, почти касаясь пола сзади и едва доходившая до середины бедра спереди, нагло демонстрировала длинные, с идеальным изгибом, ноги. Чёрный корсет, расшнурованный сверху, соблазнительно приоткрывал грудь. Она подошла к нему вплотную, завершая свой маленький спектакль и будто не замечая, как с каждым шагом и с каждой минутой разрез корсета расплзается всё больше.

Создавалось полное впечатление, будто девушка застала их в самый разгар страсти, которую едва успели прервать.

Зориэль взял рубаху, натянул её через голову, и, подавив ухмылку, повернулся к ошарашенной гостье.

— Моя жена, только что вернулась ... — *с другой планеты* чуть не вырвалось у него, — издалека... очень издалека.

Девушка смущенно заморгала, покраснев до корней во-

лос, и, что-то пролепетав, быстро удалилась.

Зориэль закрыл дверь, и, как сговорившись, они одновременно расхохотались.

— Ты ничего не перепутала? Такое ещё не изобрели, ты же у неё культурный шок вызвала своим видом.

Она фыркнула:

— И что? Не буду же я эту жуть, что у них сейчас в моде, на себя надевать! Да и какая разница, она всё равно не знает, что носят в городах. Пусть думает, что это там так ходят. До ближайшего города всё равно три дня лесом и два дня на собаках.

Зориэль дерзко улыбнулся, и впервые его взгляд стал по-настоящему человеческим — тёплым и озорным.

— Нас бесцеремонно прервали, — заявил он с преувеличенной серьёзностью, подхватывая её на руки.

ЕвВа обвила его шею руками.

— М-м, неужели наш Великий Хранитель вошёл во вкус? — прошептала она ему в одном мгновении от поцелуя.

Привязанности Вечных. Пепел

ЕвВа шла, не разбирая пути. В своём боевом облике, с глазами, пылающими адским огнём, вся покрытая ещё тёплым пеплом, она была похожа на дух возмездия, вырвавшийся из преисподней. Ноги сами привели её в лес, где уже ждал Велегор. Тихо взяв за руку, он увёл её в чащу и молча открыл тайную тропу, змеящуюся сквозь пространство прямым к чертогу Хранителя.

— Он ждёт тебя, — тихо прошелестел его голос.

Зориэль встретил её в человеческом облике. Он стоял в проёме, когда она приблизилась к его обители, и без слов пропустил её внутрь.

ЕвВа зашла и остановилась, сделав пару шагов. Дверь за ними тихо закрылась и исчезла. Назад дороги для ЕвВы уже не было. Она почувствовала, как в ней опять закипает гнев.

— Я ни о чём не жалею, — сдавленно произнесла суккуба.

— Я знаю, — негромко произнёс Дракон и... обнял её. От неожиданности ЕвВа вздрогнула и, растерявшись, часто заморгала.

— Но... Ты даже не будешь орать на меня? Я же устроила тебе хаос на ближайшие... — её рука дёрнулась в пустом, бессильном жесте, будто она пыталась схватить время и отшвырнуть его куда подальше, — даже не знаю, лет на сорок? Или больше... Прости, Ри.

— Ну хоть это ты понимаешь, уже радует, — он вздохнул и заглянул ей в лицо. Он ждал. ЕвВа отвела взгляд, её подбородок задрожал, а в глазах заблестели слёзы.

— Почему ты не защитил их?.. — срывающимся голосом прошептала она еле слышно и с упрёком толкнула его в грудь.

— Я? ЕвВа, я Хранитель Мира, а не конкретных людей. Я поддерживаю баланс и помогаю развитию через их судьбы, но не участвую в жизни кого-то одного, ты же знаешь... Я не тот, кому они молятся. Всё давным-давно...

— Да-да, давно выстроено, — перебила она, заканчивая за него фразу. — Но... — она судорожно сглотнула, давя подкативший к горлу ком. И в следующее мгновение, обхватив его лицо ладонями, жадно впилась в его губы.

Он не ответил на поцелуй, но и не оттолкнул, давая ей время успокоиться. ЕвВа выдохнула, и её руки скользнули вниз по его груди, пытаясь пробраться под рубашку. Зориэль поймал её ладонь и прижал к себе, останавливая движение.

— ЕвВа... — тихо одёрнул он.

Но суккуба, очертя голову, уже ринулась в атаку, пуская в ход всё своё демоническое очарование. Пламя тёмным, бархатным огнём взгляд, манящая сладость плоти. Он не отвернулся, но закрыл глаза. Вдох... Её буря разбилась о спокойный, мудрый взор вечности.

Зориэль покачал головой: Нет, не в этот раз.

— Значит, ты меня уже не хочешь? — уязвлённо прошеп-

тала суккуба.

— Это ты меня не хочешь.

— Тебя «не хотеть» невозможно.

— Возможно... Вот сейчас ты хочешь не меня, а отвлечься и забыться. Закопать свою боль.

Она отвела взгляд, поджав губы.

— Скажи, — немного помолчав, продолжил Зор, не выпуская её из объятий. — Ты бы спалила всю деревню вместе с её жителями, если бы они принесли в жертву каких-нибудь других детей? Не... твоих близнецов? — Он сделал паузу, выделив именно это слово — «твоих».

Оно эхом отозвалось в её сознании, острыми осколками вонзаясь в душу и вызывая мучительно-яркие фрагменты воспоминаний: их улыбки, мелкие ссоры, она ощущала даже их запах...

Молниеносно сменяющиеся одна за другой картинки: девочки-близняшки, на вид лет девяти-десяти, изгой в родной деревне и собственной семье. Камни, тычки и побои. Родимые пятна на плечах у обеих в виде подковы — печать дьявола, — разрешение издеваться. А вот она — странница из далёких земель, в чёрном облачении и грозным оружием в руках — единственная, кто за них вступается. Она угощает их неведомыми сладостями, а потом учит обращаться с кинжалами, не давая себя в обиду. Первый порез и тут же слёзы?

ЕвВа слизнула кровь с её пальца и сказала: *"Теперь ты —*

воин. Воины не плачут". И девочка послушалась, шмыгнула носом и мужественно сжала губки...

Она дала им оружие против жестокости мира, но не смогла защитить от самого чудовищного его проявления — масового безумия и суеверия.

Отвернись, не смотри...

А теперь? Она не успела. Её не было рядом.

Ощущение было таким, словно землю у неё из-под ног выдернули одним рывком, и она теперь навсегда падает в абсолютную, беззвучную пустоту. Цепляясь изо всех сил за мысль, что надо дать ответ, и быстро, она замотала головой.

— Нет, наверное... нет... Ты жесток! — Прошептала ЕвВа. Она закрыла глаза, пытаясь сдержать подступающие слёзы.

Он молчал, крепко держа её в объятиях, не давая ни забыть в страсти, ни сбежать. И её защита рухнула. Она бесшумно разрыдалась. Зориэль прижал её голову к груди. Он не гладил, не утешал — он просто держал. Не отпускал.

— Я ненавижу твой мир, — пробормотала она сквозь слёзы, растирая потёки пепла по лицу.

Зориэль улыбнулся.

— Именно поэтому ты вернёшься сюда. Он — единственный из всех чужих миров, что оставил в твоей душе свой след.

ЕвВа упрямо замотала головой.

— Нет! Я... я не понимаю, зачем? Зачем Мир привёл их

ко мне, чтобы потом убить? В чём была моя роль? — выдохнула она сквозь слёзы.

— Ты подарила им любовь! Рядом с тобой они чувствовали себя нужными. Без тебя они бы погибли, никогда не узнав этого. Разве этого мало? Разве ты отказала бы им, зная, чем всё закончится?

И тогда она поняла. Она была не их палачом и не их спасителем. Она была — их летом. Одним, ярким, прекрасным летом в их короткой, жестокой жизни. И этого... этого было достаточно, чтобы оправдать всё.

— Мне так больно... — еле слышно выдавила из себя ЕвВа, уткнувшись лицом в его грудь.

Он тяжело вздохнул и поцеловал её в висок.

— Я знаю...

Выплакавшись, ЕвВа постепенно затихла. Внутри было пусто и... чисто. Гнев и желание забыться выгорели дотла, и на их месте осталась лишь тихая ясность. Зор был прав, он её любил, и он знал. И его отказ — единственно верный ответ. Что слова? Она их даже не воспринимала, пустой набор бесполезных звуков. А он держал её. Он был пристанью. И за эту честность, за эту жестокую мудрость, она была ему благодарна сильнее, чем за любую страсть.

— Я тебя люблю, — прошептала она, тихой печалью коснувшись его щеки, и выбралась из объятий.

Не говоря больше ни слова, ЕвВа открыла портал на Скаларис — домой.

— ЕвВа, — окликнул её Зориэль. — Я тебя буду ждать.
Она улыбнулась и, коротко кивнув, шагнула в портал.

— Ты вернёшься... — тихо сказал он, когда портал уже схлопывался. — И совсем не ради меня.

Привязанности Вечных. Дар сильфов

Асгария — узел Мироздания. Планета, открытая для всех. Вечный очаг для Путешественников и перекрёсток вселенных. Здесь, под сводами огромных залов, наполненных ароматами десятков миров и гомоном на сотне наречий, можно найти что угодно — от артефактов забытых эпох до древних драконов в их тайных обличьях. Здесь решаются судьбы и заключаются сделки, о которых не узнает ни один летописец.

Именно здесь, в укромном углу одной из бесчисленных таверн, Каин вёл беседу с необычным Вечным — с Люрэйном, нэри, проклятым Вечным. Люрэйн был таким не всегда... в Последней Битве Миров, сражаясь с Чёрными Магами, в него попало древнее проклятие. Он не успел выдернуть ту стрелу. Тьма проникла в него, разрушая и искажая тело, сознание, душу.

Он боролся, сцепив зубы и собрав всю свою волю, и благодаря помощи одного из могущественных Магов-целителей душу Люрэйна, его сущность, удалось спасти, но проклятие успело преобразить и почти разрушить физическую оболочку.

Теперь Люрэйн всегда скрывается под глубоким капюшо-

ном и маской. Он не дал тьме съесть себя — он съел её. И под тканью — не лицо, а выжженная территория его победы: сгусток укрощённых теней, и только глаза горят его смертельным, обрётённым в борьбе огнём.

Внезапно, прямо посреди их разговора, из-за плеча Каина в реальность вынырнул дух-спутник. Каин тут же оборвал себя на полуслове, и все его внимание переключилось на огонёк. Дар сильфов — дух-спутник, близнец другого такого же, что принадлежал ЕвВе. Они были живым зеркалом, проводником эмоций, не знающим преград расстояния. Но проявляли себя лишь наедине со своими хозяевами или друг с другом. Явиться сейчас, в присутствии Люрэйна... это был дурной знак.

Огонёк, приняв облик ЕвВы, вспыхнул яростными языками пламени, тут же поник, свернувшись в тёмный призрачный клубок, и растаял в воздухе. Каин чуть поморщился, как будто почувствовал эхо той самой ярости и последующего угасания у себя под рёбрами.

— Магия сильфов... редкая и красивая... — тихо произнёс Люрэйн, его глаза мягко горели в тени капюшона. — Но, похоже, кое-кого поймала в свои сети пустота. Мы можем вернуться к делу потом или... как ты сам решишь?

Каин кивнул.

Немного позже он открыл портал на Землю, в их тайное место, где он виделся с ЕвВой последний раз, но её уже там не было. Каин нашёл Зора, и тот рассказал, что случилось, и

убедил: ей нужно время побыть одной.

Тем временем, вернувшись на Скаларис, ЕвВа неожиданно стала предметом чьего-то интереса, и этот кто-то мастерски не давал себя обнаружить. В первые два дня она успела навестить Ункарха, нескольких старых знакомых и узнать все последние новости — в жизни Скалариса ничего не изменилось, и в этот момент ей показалось, что её просто выключили, нажали на кнопку и весь мир вокруг замер. Каина здесь не было, и она не знала, хочет ли его искать или лучше побыть наедине со своими мыслями.

На третий день ЕвВа почувствовала, что вообще — ничего, никого и никуда не хочет, совсем... В равнодушной полудрёме она сидела дома, забравшись в любимое кресло, поджав ноги и обняв подушку. Рядом на столике стоял миниатюрный магический лабиринт с водопадами, его журчание доносилось словно из другого измерения, не мешая ей медленно погружаться в тихое оцепенение. ЕвВа безучастно размышляла, откуда взялся этот лабиринт. Или он был здесь всегда, а она просто не успела заметить? Ей было всё равно.

Она уловила какое-то движение снаружи дома и тут же ощутила его присутствие.

— Хозяйки нет дома, — почтительно ворча ответил домовый бес, отворив дверь на стук.

— Как это нет? Я знаю, что есть. Генри, ты разве не знаешь, что врать — некрасиво? Даже красиво врать — некрасиво.

сиво, а врать мне — ещё и противопоказано.

Невольно нежная улыбка появилась на её губах от звука его голоса.

— Велено никого не впускать, кроме Мастера Каина.

— Так, а я, по-твоему, кто?!

— Хозяйка не в настроении и вообще подозревает, что за ней кто-то следит. А может ты оборотень?

— Вот я тебя сейчас оберну в кого-нибудь!

— Не нужно! Я уже удостоверился, ты точно Мастер Каин, — примирительно произнёс домовой, жестом приглашая демона внутрь и растворяясь в тенях.

— То-то же, удостоверился он! — недовольно проворчал Каин ему вслед.

— Это вот что такое? Не встречает, домовой не признаёт, ЕвВа!

Он подошел к ней и, взяв её за обе руки, вытянул из кресла, вынуждая отцепиться от подушки и подняться. Его огонёк-дух вынырнул из-за спины и скрылся за плечом у ЕвВы. Такое поведение их спутников было настолько привычно, что они уже давно перестали обращать на это внимание.

— Когда ты вернулся? — тихо спросила она, легко чмокнув его в губы и, выбравшись из объятий, пошла на кухню.

— Да буквально пару часов назад, — Каин нахмурился, видя её полусонное состояние равнодушия.

— А что это Генри такое сказал, будто за тобой кто-то следит? — спросил он, проследовав за нею.

— Не знаю, может мне показалось, — ЕвВа с задумчивым видом уселась на стул, предоставив Каину самому искать себе угощение.

— Пока я была у Ункарха, потом у Ведьмы-Хранительницы, этого ощущения не было, всё было хорошо. Только когда я выхожу на улицу и перемещаюсь пешком, я чувствую этот взгляд. Не злобный, не любопытный, а... выжидающий.

Каин наконец нашёл какую-то баночку в шкафчиках и, открутив крышку, пробормотал себе под нос:

— М-м-м, а вот это я буду. У тебя же есть ложки?

ЕвВа, погрузившись в свои мысли, не ответила, он бросил на неё вопросительный взгляд, вздохнул и принялся искать сам.

— Ну и? Ты пыталась как-то выяснить — кто, что? Например, идти как ни в чём не бывало и внезапно за какой-нибудь угол свернуть и уже оттуда посмотреть?

— Да, но ощущение взгляда пропадало, странно как-то.

— Хм, вообще достаточно много способов это выяснить...

Каин начал перечислять варианты, а ЕвВа внезапно поймала себя на мысли, что их духи, самостоятельно проявившись в реальности, ведут себя как-то подозрительно — они сначала кружились и обнимались, а потом зависли над столом и стали... целоваться?! Причем оба светились сильнее обычного. От удивления она даже встала и подошла к ним ближе, а огоньки как будто этого и ждали, и теперь она виде-

ла: два силуэта — его и её — сплетались в призрачном, беззвучном танце, повторяя все те движения и ласки, что были им так знакомы.

— ЕвВа, ты вообще слушаешь, что я тебе говорю? — упрекнул он её, прислонившись к шкафчикам с ложкой в одной руке и открытой банкой какого-то лакомства в другой.

Она растерянно-удивлённо посмотрела на него и тут же показала на их спутников.

— Ты смотри, что они делают!

Каин подошёл к ней и, посмотрев на духов, фыркнул.

— И что?

— Как это «и что»? Они же так себя ещё никогда не вели.

— Ну, может, соскучились сильнее, чем обычно?

— Каин, причём тут соскучились? Ты вообще видишь, что они нас копируют? Разве это... нормально?

Он коварно улыбнулся, облизнув ложку и пожав плечами:

— Они же наши отражения и питаются нашими эмоциями...

— Кажется, мы их испортили... — нахмурившись, серьёзно заявила ЕвВа.

— Э-э... Чего?! Значит, это теперь «испортили» называется?

Она не ответила. Её тревога и раздражение, её возвышенная отрешенность начали таять, уступая место кое-чему другому — древнему и простому... Воздух на кухне стал как будто гуще. Каин тут же почувствовал изменение её состоя-

ния, и его взгляд вспыхнул игривыми тёмно-алыми искрами.

ЕвВа не собиралась так легко сдаваться и попыталась погасить это ощущение, но тут она заметила стремительно пустеющую баночку.

— И хватит есть моё варенье! Самое вкусное нашёл!

— Ты смотри, жадина какая! Я считаю, оно меня достойно.

— Ах ну да, скромность — наше всё! — она попыталась отобрать у него сначала ложку, потом баночку, а потом и то, и другое.

— А-а! Генри, спаси, меня твоя хозяйка портить собралась! — изображая ужас, уворачивался от неё Каин, продолжая поглощать варенье.

— Да куда уж больше! — ЕвВа хотела возмутиться, но неожиданно рассмеялась — ей никак не удавалось поймать его за руку.

— О, я понял, — передразнил он её, снова увернувшись, — домовой уже тоже «испорченный»?!

— Ах ты, жопа... Я тебя укушу!

— П-ф-ф, какая грозная мышь, ну попробуй!

Дурачась, он закинул уже почти пустую баночку на самую верхнюю полку, а её поймал в объятия и прижал к себе.

— Попалась, — тихо произнёс он между сладкими во всех смыслах поцелуями и уже не отпустил...

... Духи, улыбаясь, несколько мгновений смотрели на их страсть, и, обнявшись, растворились в воздухе, оставив по-

сле себя лишь тёплое, довольное сияние, похожее на вздох.

Привязанности Вечных. Обма

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.